

63.3/4укр-4дон) а. 80ч.

П-44

Владимир ПОДОВ

**ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ
ДОНБАССА**

Шахты и рудники Донбасса

2 ч-1

63.3/чукр. 420к)
п 44

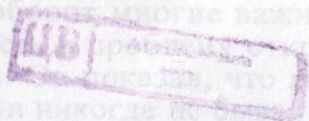
ав-1
С.Р. год.

Владимир
ПОДОВ

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ДОНБАССА

70590

12

Луганск
Світлиця
1998

ББК 63 (4-Ук)

П 44

ISBN 966-534-141-3

Подов В.И.

П 44 Легенды и были Донбасса. – Луганск, Свіглиця, 1998. 76 с. портр.

В.И. ПОДОВЫМ издано много книг по истории Донбасса. Но эта – необычная. Написанная в поэтической форме легенд и былей, она позволяет познакомить читателя с важнейшими событиями и фактами истории Донецкого бассейна, его интересными людьми, привлечь внимание к прошлому и настоящему легендарного шахтерского края.

Рассчитана на учащихся и студентов. Будет полезна всем, кто интересуется историей Донбасса.

П $\frac{1805080000 - 291}{98}$ Без объявл.

© Подов В.И., 1998

ISBN 966-534-141-3

ОБ АВТОРЕ

ПОДОВ

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

родился 25 февраля 1924 года в Белоруссии. По образованию историк. Окончил исторический факультет Ростовского-на-Дону государственного университета. Свои профессиональные интересы связал с изучением истории Донбасса. Более 30 лет посвятил исследованию архивных до-

кументов в центральных архивах Москвы, Ленинграда, Киева, в областных архивах Харькова, Ростова-на-Дону, Днепропетровска, Николаева, Донецка, Луганска. Написал более 20 книг. В их числе "Открытие Донбасса", "У истоков Донбасса", "К тайнам истории", "История Лисичанска в документах", "Славыносербия" (Очерки истории заселения Донбасса в 18 веке), "Первенец металлургии Украины", "Донбасс. Век 18-й" и другие. В них на основе архивных документов правдиво освещаются многие проблемы истории края, которые ранее были слабо изучены, а в ряде случаев даже извращались.

В.И.Подов ввел в научный оборот многие важные архивные документы, внес ясность в проблему открытия каменного угля в Донбассе. Он показал, что российский рудоискатель Г.Капустин никогда не бывал на украинской земле, а титул первооткрывателя каменного угля в Донбассе ему приписали без всяких оснований. Вместе с тем В.И.Подов восстановил историческую справедливость, вернув бахмутским солеварам Никите Вепрейскому и Семену Чиркову высокую честь первооткрывателей каменного угля в Донбассе на Украине и во всей Российской империи. Он внес также зна-

чительный вклад в исследование проблемы заселения Донецкого бассейна в 17 - 18 веках, установил и уточнил время и условия основания более ста городов и сел края.

Кроме исторических очерков им написаны: "Любовь и слезы" (Новое о Владимире Сосюре), "Легенды и были Донбасса", документальные повести: "Соколиное гнездо", "Запас прочности", "Синдикат деда Панаса" и другие книги.

Научно-исследовательскую и литературную работу В.И.Подов сочетает с общественной деятельностью. Более десяти лет он возглавлял Лисичанскую городскую организацию Украинского общества охраны памятников истории и культуры, избирался делегатом съезда этого общества, участвовал в работе Всесоюзной научной конференции по истории городов и сел, а также в работе учредительного съезда Всеукраинского общества краеведов.

Ныне В.И.Подов - директор Луганского регионального научно-исследовательского центра по проблемам истории Донбасса.

НА ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Земля Донецкая с незапамятных времен находилась на перекрестке важных исторических путей с востока на запад и с севера на юг. Она представляла собой степной коридор, соединяющий Европу и Азию, по которому не раз грозным валом катили восточные завоеватели, сметая все на своем пути. В то же время это был великий путь взаимопроникновения идей и культурных ценностей. А в период существования Крымского ханства здесь пролегли посольские и торговые пути из Москвы в Крым, Турцию и обратно.

В Донбассе проходили знаменитые битвы древнерусских полков с половцами и печенегами, а также с ордами монголо-татарских завоевателей. Не менее героическими были и последующие события в Донбассе: заселение края, открытие и разработка каменного угля, выплавка металла, развитие других отраслей промышленности – вплоть до сегодняшнего дня.

Край Донецкий, его замечательные люди овеяны легендами. И естественно, жители хотят как можно больше знать об этом. Помочь в их благородном стремлении призвана книга известного исследователя истории Донецкого бассейна В.И. Подова “Легенды и были Донбасса”. В ней в поэтической форме легенд, сказаний и былей, доступной для восприятия читателей всех возрастов, рассказывается о многих примечательных событиях и людях.

Представляемая книга – первое такого рода произведение о Донбассе.

Будем надеяться, что автор продолжит работу над этой увлекательной темой, и читатели со временем встретятся с новыми героями легенд и былей, прославившими наш родной шахтерский край.

*Андрей МЕДВЕДЕНКО,
член союза писателей Украины.*

СИМВОЛЫ ТРУДА И ДОСТАТКА

Было это еще в пору седой древности. По Приазовью, где находится и современный Донбасс, кочевали различные племена: добрые и злые. Последние, сердца которых не ведали правды, чинили зло и насилие, грабили и убивали друг друга, забирали скот и другое богатство. Понятно, за причиненное зло они получали отмщение. И так без конца: одни уничтожали других. Известно, зла натворить сколько угодно – не мудрое дело. Путь ко злу не тяжелый. Обитает он недалеко.

Зато труден путь к правде, добродетели. Ох, как труден! Древние боги высоким забором отделили ее от человека. Крута, высока и далека к ней дорога. Постичь добродетель – что взойти на крутую гору. Но если уже взойдешь на ее вершину, то станет легко и радостно на душе. А тех людей, кто жил по правде и творил добро, древние боги поощряли.

Среди многих злых племен жило в Приазовье и Северном Причерноморье доброе племя. Слушалось оно голоса правды. Старалось добыть себе пропитание трудом праведным. Но какой трудный для них был этот путь! Все равно, что подняться на высокую гору. Видел это сверху древний бог. И оценил по достоинству. Послал он им с неба плуг, ярмо, секиру и золотое блюдо. Об этом и Геродот сообщал, всемирно известный древнегреческий историк. Легче стало людям того племени. Стали они быков запрягать, плугом землю пахать. И секира была доброй помощницей в труде. Повысились урожаи, стали больше хлеба собирать. Так появилось в нашем крае новое племя, которое стали называть скифами-пахарями. А плуг, ярмо, секира и золотое блюдо с тех пор стали символами труда и достатка.

Эти вечные символы в великом почете и у нынешних жителей Донбасса.

ТАЙНА РЕКИ КАЯЛЫ

Далекий 1185-й год. Шел двадцать третий день апреля. Древнерусские дружины под предводительством Новгород-Северского князя Игоря Святославича выш-

ли в свой знаменитый поход против половцев. Этот славный и вместе с тем печальный поход, воспетый в замечательном памятнике древнерусской литературы “Слово о полку Игореве”, давно привлекает внимание ученых. Но и до сих пор многие его страницы остаются для нас тайной за семью печатями.

Почти все ученые сходятся на том, что путь Игоря до Сальницы (Сольницы) пролегал по междуречью Северского Донца и Оскола. Далее – неразгаданные загадки. Сальница или Сольница? Быстрая река Каяла. Где она? В каком она крае? Предположений, гипотез много. Нет только строгих и точных доказательств, а, следовательно, и окончательных решений. Путь к ним труден. Но вряд ли это остановит любознательных.

Так что же такое сольница? Думается, в переводе на современный язык, - это солонка. Слово с незапамятных времен известное всем на Руси. В каждой хате на столе всегда стоял сосуд с солью — солонка, по-украински сільниця, солянка.

Что же это за сосуд для соли, о котором знала вся Древняя Русь и который служил ориентиром на местности при движении войск князя Игоря? Не исключено, что имелся в виду географический объект, существующий и в наше время, - соленое озеро (или группа озер). Образно в летописи его называли сольницей, солонкой, откуда черпали соль жители доброй половины древней Руси. Торские соленые озера. Не исключено, что была там и небольшая речка Сольница, ушедшая затем под землю.

Отсюда полки Игоря были увлечены неприятелем вглубь половецкой земли. Там, на реке Каяле, произошла известная битва с печальным исходом для русских войск и пленением самого князя Игоря. Искать эту реку, как совершенно правильно утверждает харьковский историк М.Ф. Гутманец, следует где-то вблизи этих мест.

Каяла, в переводе с тюркского, означает Скалистая. Есть ли в данном регионе речка с таким названием?

Академик И.А. Гильденштедт, путешествовавший в этом крае в 1774 году, писал:

“25 августа я отправился из Бахмута. Дорога шла 9

верст на юго-запад по неглубокому оврагу, называемому “балка Четверикова”, до ее истоков. Оттуда версты 3 по ровной высоте степи до истоков речки Наумовой. Оттуда верст 5 по долине этой речки на юго-запад и оттуда верст 8 по высоте параллельно реке Кривой Торец в нескольких верстах от нее до истоков впадающего в нее оврага, называемого балка Скелеватая или Скелевая, на котором, кроме того, расположен хутор Воропая. Скелеватая, добавим от себя, и есть Скалистая.

В овраге балки Скелеватой по обеим сторонам, идет далее академик, в толстых косо-горизонтальных пластинах выходят грубозернистые массивные и звонкие песчаники. Примерно в одной версте ниже исток этого оврага и в двух верстах выше его впадения в Торец в нем течет ключевая вода. В полутора саженях выше этих ключей порода состоит из рыхлого слюдяного и сланцеватого песчаника; над ним слой настоящего каменного угля, сланцеватого и блестящего. Этот слой имеет толщину только 1 фут, а на нем лежит снова песчаник, грубозернистый и массивный, до верха горы, толщиной 10 и более сажен. Предполагаемый регион, название речки и ее характеристика полностью совпадают с приметами, данными в “Слове” и летописях. Надо полагать, что в то время она была более полноводной. Да и пору года следует учитывать. Битва произошла 12 мая, когда реки еще не унесли вешние воды. Не могла ли быть речка, что в балке Скелеватой (Скалистой), впадающей в Кривой Торец, той таинственной Каялой, которую так долго ищут? А Кривой Торец разве не похож на неизвестную речку Сюурлий?

Нетрудно представить ситуацию, в которой оказались дружины князя Игоря. Впереди речка с отвесными скалистыми берегами более 10 саженей высоты. Справа - Сюурлий, нынешний Кривой Торец. Слева - засада половцев, перехитривших русичей. В этом мешке и погибли войска князя Игоря, а сам он был пленен.

К многим существующим гипотезам о реке Каяле добавляется еще одна. От этого вреда не будет. Польза же возможна. И немалая.

НАЧАЛО И КОНЕЦ

Ой ты, край ты мой Донецкий! Многострадальная наша земля! Много ты повидала за свою историю разных событий. И радостных, и печальных. В твоих степях рождались и массами гибли люди, появлялись и исчезали города и села. О многих тех добрых и худых делах не осталось и воспоминаний. Но вот о событиях, что произошло в конце первой четверти тринадцатого столетия, дошли до нас печальные вести. И не изгладится о них память, пока существует человечество.

Черная туча монгольского нашествия нависла тогда над Европой. Обойдя Каспийское море с юга, через Персию, монголы пришли сюда из Закавказья. Первыми жертвами монгольских завоевателей, включавших в свои орды покоренных татар, были алланы и половцы. Сея на своем пути смерть и разорение, передовые отряды врага достигли Днепра. На помощь половцам вышли дружины русских князей. Вблизи Хортицы, у брода Протолчи, они дали бой татаро-монголам. Разбив их, русские дружины двинулись навстречу главным силам врага. Двенадцать суток шли они на восток. Встретились с врагом на реке Калке, что в центре нынешнего Донбасса. Здесь и разыгралась тяжелая битва.

Русских представляли объединенные силы Киевского князя Мстислава Романовича, Мстислава Удалого Галицкого, Мстислава Святославича Черниговского, Данила Романовича Волынского и Олега Игоревича Курского. С ними шли воины союзного племени половцев. У скалистых берегов Калки схватились две силы-силищи. Одна сила злая, жестокая, упоенная кровавыми победами над многими народами. Катясь с Востока на Запад и уничтожая на своем пути все живое, она стремилась к подчинению все новых и новых территорий. Другая сила, противостоящая первой, пыталась отстоять независимость своих государственных образований, спасти Европу от порабощения и варварского разрушения.

Сошлись на скалистых берегах речки Калки. И на-

чалась жестокая сеча. В кровавой схватке падали кони и люди. И кто знает, чем бы дело кончилось, если бы устояли половцы. Может на поле боя не осталось бы ни одного живого человека ни с той, ни с другой стороны. Но произошло то, что часто случается в бою, когда союзники не проявляют стойкости. Половцы не выдержали, дрогнули, побежали с поля боя, обнажив фланги русских дружин. К тому же среди самих русских князей не было единства. Все это определило исход битвы. Русские дружины потерпели жестокое поражение. Сколько там пало наших предков – русичей – одному богу только известно. На месте павших русских витязей гранитные скалы – памятники. Народ назвал их Каменными могилами. И стоят они теперь на берегах речек Кальчика и Каленца, притоков Кальмиуса, в 80 километрах от Донецка, напоминая о тех далеких и грозных событиях.

Битва на Калке явилась грозным предвестником татаро-монгольского нашествия. По сути, для русских земель это и было начало нашествия. Более двух с половиной веков стонала русская земля под татаро-монгольским игом. А его последствия были еще более продолжительными. Но что имеет начало, то неизбежно должно иметь и конец. Конец этот приблизила победа русских войск в Куликовской битве, где они полностью разгромили войско Мамай. Это было начало конца.

Прошло еще ровно сто лет. Пошатнувшуюся власть татаро-монгол над славянскими землями пытался восстановить хан Большой орды Ахмат. Заключив соглашение с польским королем Казимиром IV, он напал на русские земли. Однако успеха не имел. Потребовал затем Ахмат от Московского великого князя Ивана III выплаты дани, но получил категорический отказ. Тогда в 1480 году организовал он новый поход на Москву. Собрав огромную орду, пришел на реку Угру. Стал лагерем, ждал войск союзника Казимира IV. Однако у Казимира появились свои заботы. На его земли напал Крымский хан Менгли-Гирей. А на противоположном берегу Угры накапливались силы Московского князя.

Противостояние на Угре было равносильно поражению Ахмата. При отсутствии помощи польского короля он не решился вступить в сражение. К тому же начались свирепые холода. И Ахмат 11 ноября побежал на юг. Бежал без оглядки, теряя по пути людей и коней. Нагие, босые, оборванные падали татары, как осенние мухи.

Остановился Ахмат только в устье Северского Донца. Думал, здесь найдет покой и отдых. Не знал, что татаро-монгольскому нашествию, начавшемуся в Донбасской битве на реке Калке, в этом же регионе будет положен и конец.

Когда стемнело, в ханский шатер Ахмата, с кинжалом на поясе, вошел тюменский хан Ивак. Короткая схватка – и хан Ахмат, словно большая хищная птица, лежал окровавленный на полу с распростертыми руками-крыльями. Отлетел свой век стервятник!

Так тюменский хан Ивак 6 января 1481 года свел счеты с соперником. Это был не только конец злого агрессивного хана Ахмата, последнего хана Золотой Орды. Это был конец попыткам восстановить власть татаро-монгольских ханов над Русью, а следовательно, и над всей Европой.

Не зря говорят: если есть начало, будет и конец.

САУР-МОГИЛА

Говорят, случилось это еще на заре донского и запорожского казачества. Дончаки и запорожцы вместе отстаивали свои земли от турецких пришельцев и агрессивных кочевников, ходили друг к другу в гости. Пути выбирали самые прямые, самые короткие – через центр Донбасса.

Так было и в тот раз. Едут запорожцы Донецкими степями на Дон. Их всего трое. Три казака: Савка, Иван и Остап. Едут верхом, соблюдая все предосторожности. Не дай бог встретить кочевников.

Подъезжают к Миус-реке. Навстречу – группа всадников. “Не крымские ли татары?”

Группа небольшая. Идут на сближение. Смотрят: не похоже, чтоб кочевники. Скорее, дончаки. Присмотрелись. Так и есть. Отлегло от сердца. Те тоже узнали со- братьев.

- Здоровы живете, братцы запорожцы!

- Здоровеньки були, браточки донці!

Рукопожатия. Знакомства.

- Савка! – представился старший группы запорожцев.

- Савелий, Савка! – отрапортовал старший от дон- цов.

Два Савелия. Два Савки. Вот так случай! И хлопцы, как на подбор: стройные, сильные, загорелые. Встретив- шись – обрадовались, будто родные братья сто лет не виделись.

Спешились. Завязался разговор.

- Как там у вас на Запорогах?

- А як у вас там на Тихому Доні?

Присели в ближайшей выемке под кустиком. Сидят, гутарят, балакают. Ручьем льются, журчат слова. Уже и о совместных походах в Крым вспомнили. И о морс- ких баталиях с турками под Синопом и Константино- полем поговорили. Сидят, гутарят, балакают. Две трой- ки, шесть удалых казаков. Таким никакой противник не страшен. Тихо, привольно в степи. Только жаворон- ки заливаются в небе.

Тихо то тихо, да тишина бывает обманчивой. Не ви- дели они, как по пятам запорожцев шли татарские ла- зутчики. Высматривали, ждали удобного момента. Главная же сила орды двигалась на отдалении.

Сидят, дружно беседуют казаки. Сидят, не замечают, как кочевники зашли с тыла, окружают.

- По коням! – вырвалась вдруг тревожная команда у Савки-запорожца.

- По коням! – повторил ее Савка-дончак.

- К бою!

Мигом вскочили на коней. Быстрее ветра помчались навстречу врагу. С шумом и гиканьем ворвались в та-

тарский строй. Тут все смешалось. Где свои, где чужие – не разберешь. Свистят татарские стрелы. Звенят казачьи сабли. Падают кони и люди. Слетают с плеч татарские головы.

То тут, то там слышится клич:

- Савка, руби!

- Савка, держись!

- Савка!.. Савка!..

И показалось кочевникам, что казаков не шесть, как они думали, а всех шестьдесят шесть. А командует ими двенадцатиголовый змей по имени Савка – Саур.

Падали враги. Редела татарская конница. Из полсотни всадников осталась едва половина. И летает, кружится среди них уже один единственный казак – Савка-запорожец. Пронзенный татарскими стрелами, истекающий кровью на бешеном коне вихрем налетает он то на одного, то на другого врага. За каждым взмахом сабли из одного татарина делает двоих. Но вдруг и сам вместе с конем рухнул наземь.

Бой затих. Все смолкло.

... Иван очнулся перед рассветом. И тут же подумал: “Где я?” В памяти всплыла картина вчерашнего боя. Попробовал пошевелить одной рукой, другой. Левая не действует, При повороте туловища страшная боль пронзила все тело. Словно в яму, провалился в темноту.

Пришел в себя, услышав голос Алексея-дончака. Солнце стояло уже высоко и уже хорошо пригревало. Превозмогая боль, перевязали друг другу раны. Обследовали поле боя. Похоронили друзей. Лежат рядом четыре удалых казака. Спят вечным сном четыре славных витязя. Два запорожца, два донца.

Над ними свежий холм сырой земли. Живые отдали почести павшим героям. Перекрестились. Сказали: “Век вас не забудем!” Условились: один идет на Дон, другой – на Запороги. Каждый бросает клич: с Дона ли кто идет на Запороги, с Запорог ли на Дон, - непременно на-

сыпает курган над могилой двух Савок и их боевых друзей.

С тех пор так и повелось. С каждым месяцем, с каждым годом рос, поднимался к небу курган, пока не превратился в настоящую гору. Донцы и запорожцы чтят память друзей. Крымские татары страшно боялись казаков, даже мертвых.

- Саур - могила! – говорили они. – Могила двенадцатиглавого Савки, Саура. И обходили ее за версты стороной.

Сотни лет стоит в самом центре Донбасса Саур-могила как символ борьбы донских и запорожских казаков за единство славянских народов.

Может, про этих героев народ сложил песню “Смерть казака”:

Ой на горі вогонь горить,
А в долині козак лежить.
Укрив личко китайкою,
А ніжоньки ногайкою.
У головах ворон криче,
А в ніжоньках коник плаче.
Не плач, коню, ти за мною,
Не бий землі під собою.
Біжи, коню, дорогою,
Дорогою широкою,
Широкою столбовою,-
Щоб татари не дігнали,
Щоб сидельце не зідрали.
Прибіжи ж, коню, під батьків двір
Та вдаришся об частокіл
Ой там вийде стара мати,
Вона тебе разгнуздає,
Разгнуздає, расіidlaє,
розсіdlавши, розпитає.
”Ой ти, коню, вороненький!
Де мій синок молоденький?”
“Не плач, мати, не журися:

Уже твій син оженився.
Узяв жінку – паняночку –
В чистому полі замляночку.
Туді вітер не завіє
І сонечко не загіє”.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ТОР

Поминка Котельников уже больше недели жил на Торских озерах. Успел познакомиться с такими же, как сам, солеварами. Прибыли они из разных краев – из Белгорода, Валук, Воронежа, Оскола, Курска, Ельца, Ливен. Под котлами и сковородами буйно пылал огонь, выбрасывая густые клубы пара, кипел рассол. У каждого были немалые запасы вываренной соли. Она стояла в бочках, коробах, рогожных кулях.

Котельников понял: солеварение – выгодное дело. К тому же – крайне необходимое. Никто без соли не обходится. Вместе с тем солеварение – весьма опасная работа. Край глухой, незаселенный. По полям и балкам постоянно рыщут кочевники, которых не зря зовут здесь степными разбойниками. Немало солеваров попало в их лапы. Чтобы не повторить их печальную участь, приезжие, как могут, стараются защитить себя. Организуют охрану, строят укрепления...

У Поминки Котельникова - голова светлая, ум – государственный. Другой бы на его месте думал, как побольше извлечь личной выгоды. Поминка же был озабочен общественными делами. Глядел он на эти голубые бескрайние озера, на закопченных от солнца и дыма людей, что копошатся здесь, словно муравьи, и в голове его рождались деловые мысли: “Сколько тут соли можно наварить!” Если поставить крепость, да для охраны прислать ратных людей, солевары станут спокойно делать свое дело. А почему бы в таком случае не завести здесь казенные варницы? Какой бы доход шел от них в царскую казну! Со всех сторон, даже с крайнего севера, стали бы приезжать сюда торговые люди. Если

соль будут варить только охочие люди, то и тогда за охрану от кочевников они будут платить казне тамго – десятиую бочку соли”.

Вернувшись домой в Валуйки, Котельников обо всем написал в Москву. В письме он сообщал, что летом 1625 года ездил на Тор соль варить. За то короткое время дважды видел небольшие татарские отряды человек по 20-30, которые угрожали солеварам. Он предлагал правительству поставить на Торских соляных озерах острог, завести казенные варницы... иными словами, Помина Котельников Сказал: “Здесь будет город Тор!”

И город возник. Правда, не сразу, не по щучьему велению. Потребовалось время и немало попыток.

Попытка первая. По указу правительства в 1645 году возле Торской переправы строится небольшой острог. С апреля до ноября здесь обязаны были попеременно нести службу 20 чугуевских казаков.

Попытка вторая. Казацкому атаману Валук Протасеву было поручено осмотреть эту местность, определить место возле озер для города и нанести его на план.

Попытка третья. В 1648 году царская грамота обязала белгородского воеводу направить людей на строительство города Тора. Однако условия не позволили реализовать этот план.

Попытка четвертая. По царскому указу белгородский воевода вместе с боярским сыном Я. Филимоновым послал на Тор группу черкас. Однако, пока подбирали место будущего города и согласовывали, прибывшие на поселение украинцы разбежались.

Попытка пятая. Летом 1663 года белгородский воевода Ромодановский “послал на Тор 600 ратных людей для городского строения”, а для поселения направили из Валук 50 семей, из Чугуева тоже 50, а из Харькова 12 семей. Однако участники экспедиции решили заложить крепость возле Маяцкого озера. Так в 1665 году возникла крепость Маяки.

Попытка шестая. Весной 1664 года на Торские озера направили партию людей для добычи соли: 215 рабо-

чих, 88 стрельцов для охраны и 15 целовальников. За летний сезон рабочие поставили варницы и амбары, а для жилья – курени и землянки. Для защиты от нападения татар начали строить крепость. Однако украинские казаки, поддерживающие гетмана И. Брюховецкого, разорили варницы, а люди разбежались.

Только с седьмой попытки был основан Тор. В 1676 году по указу царя Алексея Михайловича для защиты от неприятеля построили Соляной городок. В деревянных домах и землянках разместилось 245 семей. Соорудили крепость. В ней, как и в Маяцкой, было 6 башен – 2 проезжие и 4 угловые. По имени речки крепость называли Тором, а город стали называть Соляным или Соленым. Позже город, как и крепость, называли Тором. А в 1784 году его переименовали в Словенск, который в народе на свой лад стали называть Славянском.

Славянск – старейший город Донбасса. В 2001 году ему исполнится 325 лет. На четверть века он старше Бахмута.

Вернемся, однако, к Поминке Котельникову, которого мы оставили в 1625 году. Узнав, что город Тор наконец-то в 1676 году построен, Поминка Кательников весьма обрадовался. Как же! Сбылись его мечты и предсказания. Говорят, с тех пор каждое лето навещает он город. Вместе с жителями радуется их успехам и печалится их печалям, мечтает о дальнейшем процветании города. Несомненно, и в дни 325-летнего юбилея Славянска он будет вместе с его жителями.

СКАЗ О РОЖДЕНИИ БАХМУТА

Ехали донские казаки по берегу речки Бахмутки. Держали путь на Кальмиус-речку рыбу ловить. Захотелось им пить. Видят сажень в двадцати от берега – криничка. Остановили лошадей, спешили. Один зачерпнул воду пригоршнями, с жадностью хлебнул. И тут же изо рта фонтаном выбросил.

- Фу, соленая... Сушная рапа.

Другой тоже попробовал, но уже осторожно.

- Действительно соленая, - подтвердил он. - Крепко насолили.

Сделали еще шагов с полсотни, попили прямо из речки. Вода чистая, прозрачная, пресная.

На Кальмиусе улов был удачным. Наловили много леща, судака. Стали солить рыбу и вспомнили ту соленую криничку. Тот, кто первым попробовал соленой воды, сказал:

- Вот бы тут такая соленая криничка, Бросили бы в нее рыбу – враз бы просолилась.

- Твоя фантазия, кум, хороша. Да не лучше ли попробовать соль там вываривать. Авось получится не хуже, чем на Торских озерах.

- Деловой ты казак, кум. Умная голова, неча сказать. Давай попробуем.

Возвращаются казаки домой. Везут рыбы – и сушеной, и вяленой. Подъехали к той криничке соленой на Бахмутке. Осмотрели вокруг местность. И порешили: отвезем рыбу – приедем сюда соль вываривать.

Так и сделали. Казан привезли, соленой воды налили. По балкам дров нарубили, огонь разожгли. Все это делали в стороне, подальше от кринички, чтобы кто-нибудь о ней случайно не проведал. К концу дня подсчитали. Неплохо получилось. Почти в два раза больше, чем за такое время на Торских озерах вываривали.

И пошло, поехало. Изю дня в день донские казаки тайно здесь соль варили. И себе хватало, и на продажу отправляли. И атаману в подарок посылали.

- Смотри, кум, о том, где мы соль варим, - никому ни слова. Ежели что – говори, мол, на Торских озерах.

- Ну что ты, кум! Я не из болтливых. Сам знаешь...

- Разве только атаману сказать. От него ничего таить нельзя.

Года два, а, может, три, в летний сезон донские казаки тайно на Бахмуте соль варили. Всякая тайна, однако, со временем становится явью. О выварке соли на

Бахмутке проведали казаки Изюмского полка. И вдруг с наступлением весны 1701 года сюда на промысел хлынули. И объективные обстоятельства тому способствовали. Предыдущие два года неурожайными были. Людей голод терзал. Чтобы выжить, изюмцы, пренебрегая службой, соль вываривать бросились.

Донцам, понятно, такое соседство не понравилось. Местность эту они считали своей заимкой. И по обычаю того времени чувствовали себя здесь законными хозяевами. На этом основании пытались изюмцам соль варить воспрепятствовать. Силы, однако, были неравными. На горстку донцов набралась целая сотня ищомцев. И донцы сами оказались изгнанными. Изюмцы стали обосновываться здесь всерьез и надолго: казанами и сковородами обзавелись, солеваренные колодцы стали копать, печи класть, для жилья курени и землянки строить, а для хранения соли – амбары. Одним словом, на речке Бахмутке стихийно солепромысел возник, постоянное поселение солеваров образовалось.

Проведал об этом полковник Изюмского Слободского полка Шидловский. Хоть и был он недоволен своими казаками, бросившими службу, не стал насильно возвращать их. В солепромысле на Бахмутке важный источник доходов он увидел. И уже подумывал, как бы к рукам его прибрать.

Такую большую обиду донцы, конечно, не могли стерпеть. Виданное ли дело? - изюмские казаки насильно их прав на заимку лишили, а вместе с тем и на доходы от выварки соли. “Борьба – кровавая и бескровная... Только борьбой можно свои права и престиж восстановить”, - думали они. А пока с жалобой на изюмцев к Петру Первому обратились.

Царь не долго думал. Руководствуясь субъективными факторами, на сторону Изюмского полка встал. Как и просил Шидловский, Петр Бахмутский солепромысел в ведение Изюмского полка передал. Изюмцы казались ему ближе, послушней своенравных донских казаков.

Столкновение двух сил – донских и изюмских каза-

ков – из-за Бахмутского солепромысла, словно могучий удар кремня по стали, и дало те искры, от которых в 1705 году сгорел Бахмут, а через два года запылала война под руководством Кондратия Булавина.

Споры вокруг солепромысла отражены в Грамоте Петра Первого полковнику Изюмского полка Ф.В. Шидловскому от 14 октября 1704 года. Здесь же зафиксирован и факт рождения нового поселения. По имени речки Бахмутом его назвали. В той грамоте сказано:

“А в прошлом де 1701 году те торские жители обыскали место в дачах Изюмского полка, на речке Бахмут, где соль варить прибыльнее торского, и с того города Тору без нашего Вам государственного указа и без твоего ведома перешли все жить на речку Бахмут; також из того Изюмского полка, из городов и иных черкасских полков жители черкасы перешли в то место жить многие, также и русские всяких чинов служилые люди, и крестьяне пришли многие и живут самовольно и службы никакой не несут и тебе чиниться непослушны”.

Эта Грамота – бесспорное документальное свидетельство о времени рождения Бахмута. Не случайно ее называют метрикой города Бахмута.

А чтобы узнать, сколько во вновь возникшем поселении жителей и откуда ино пришли, на речку Бахмутку из Белгорода в соответствии с царской грамотой от 14 августа 1702 года поручик Петр Языков был послан. Обследовав новое поселение, он составил описные книги, сказки (рассказы жителей) и чертежи. В тех описных книгах говорилось, что на новопоселенном месте на речке Бахмуте русских жителей, переселившихся из Тора, Маяков и иных городов, - 36 человек; черкас Изюмского полка, прибывших из Тора и Маяков, - 112 человек, а донских казаков всего два. В это время все жители Бахмута имели 49 дворов, 49 изб, 48 курней и землянок. Они открыли 29 солеваренных колодезей, откуда черпали рассол, и построили 11 амбаров для хранения соли.

Перт Языков не забыл указать и количество детей у жителей новопоселенного Бахмута. Он писал: “На той речке Бахмуте жителей: русских людей торских жителей 18 человек, у них детей 23, маяцких жителей 4, дети их 4. Переяслав-рязанский волостной крестьянин 1, туленин посацкий 1 человек, москвитянин посацкий – 2, города Королевца посацкий 1, суздалец гулящий 1, боярский крестьянин 1, арзамасец посацкий 1, у него сын один, тополец гулящий 1 человек”. Раз поселенцы прибыли с детьми, то уж навсегда.

Данные исчерпывающие, документальные, Сомнению не подлежат. Назовите другой город с трехсотлетней историей, который бы располагал такими точными, исчерпывающими данными о времени своего основания! Тут все очерчено четко, выпукло. Год рождения Бахмута – 1701-й. Возник не по велению свыше, как Тор, а стихийно, по воле предприимчивых людей. Социальный состав первых поселенцев – свободные горожане и казаки. По происхождению – в основном казаки и городские свободные жители. Национальный состав – украинцы и русские. Род занятий жителей Бахмута – солеварение. В 1702 году в Бахмуте уже насчитывалось 150 жителей. Известно и их прежнее место обитания.

Бахмут вместе с солепромыслом быстро развивался. Уже в 1704 году, посланный сюда из Белгорода капитан Скурихин зафиксировал новые строения. Для защиты от кочевников в 1702 году была построена крепость с дубовым острогом. Для сбора пошлин появилась таможенная изба Семеновской канцелярии. Сооружена ратуша Изюмского полка. Жители Бахмута вываривали соль на 170 сковородах, число амбаров выросло до 15. Для обслуживания солеваров было открыто 9 кузниц.

Несчастливым оказался для Бахмута 1705 год. Донские казаки во главе с Кондратием Булавиным дотла сожгли его. Новые бедствия принесла ему булавинская война в 1708 году.

После подавления Булавинского восстания Бахмут снова поднимается. В 1711 году сюда переведена часть войск из Троицкой крепости (Тагонрог), отданный туркам. С тех пор Бахмут стал главной крепостью на юге России. В том же году из той же Троицкой крепости перевезли Святотроицкую церковь, которую поставили по правую сторону крепостных ворот близ земляного вала и назвали соборной. С 1719 года Бахмут стал центром одноименной провинции России.

Город Бахмут – ныне Артемовк Донецкой области – вырос в крупный промышленный центр Донбасса. В 2001 году он будет отмечать свой трехсотлетний юбилей. В дни празднования вспомнят жители и основателей города – донских и изюмских казаков, помянут добрым словом и тех донцов из Сухорева городка, что первыми открыли здесь соляные источники.

ЛЕГЕНДА О ГОРЮЧЕМ КАМНЕ

Жил-был в России царь Петр, по прозванию Великий. Не малого он был роста. Но не тем он славился. Велик он был делами своими. Весь мир знал его как мудрого правителя и великого преобразователя. У таких всегда много сторонников и друзей. Но не мало и противников. И даже открытых врагов. В начале 18 столетия пришлось вести ему борьбу на два фронта. Были в ней и победы и поражения. На Балтике прорубил окно в Европу. На Юге рвался к Черному морю. И везде поспевал. Постоянно находился в пути. Лично давал указы и наставления, строго проверял их исполнение.

26 апреля 1709 года Петр Великий из Азова прибыл в Троицкую крепость, что на Таганьем Роге. Тут был передний край борьбы с Османской империей. Много дел здесь у царя. И береговая оборона. И Азовская флотилия. Но больше всего его заботило нашествие супостата шведа. Туда и устремил он свой взор. 15 мая Петр уже был в Бахмуте, южной крепости России и центре нового края, который позже назовут Донбассом. А че-

рез день выехал в верховья реки Лугани к войскам.

Едет царь, торопится. Позади осталось верст двадцать с гаком. С пригорка за поворотом дороги открылась прекрасная панорама Лугани, а за ней в устье маленькой речки Скелевой возвышался поросший лесом зеленый холм. На нем – командный пункт. Туда и повел высоких гостей бригадир Шидловский, только что со своими штабом встретивший царя.

Первым делом, как водится, Петр Великий решил побеседовать с солдатами Изюмского и Харьковского Слободских полков. Осмотрел занимаемые позиции. Проверил боевую выучку. Царь остался доволен войсками. С командиром у него отдельный разговор. Дал наставления на случай встречи с турками или крымскими татарами. Рассказал о линии поведения при столкновении со шведами. До полтавской битвы оставалось чуть больше месяца.

Так закончился этот напряженный весенний день 17 мая 1709 года. Не заметили, как стусились сумерки, опустилась на землю чарующая южная ночь. Давно известно, что именно ночью происходят самые таинственные, самые интересные и даже самые важные, эпохальные события.

Царь со своей свитой расположился у пылающего костра, устроенного специально для него солдатами. Петра окружили известные сановники: князь Юрий Федорович Шаховский, Семеновского полка полковник Петр Михайлович Галицын, бывший учитель Петра Никита Михайлович Зотов и Прокофий Афанасьевич Ушаков. Чтобы избавиться от надоедливых камаров, все жались поближе к огню. За оживленной беседой никто не заметил, как вместе с дровами солдаты подбросили в костер куски черного камня. Загоревшись, они стали издавать такой великий жар, что царь не выдержал, обратил свой взор к костру.

- О, горюч-камень! – воскликнул он с восторгом, заметив раскаленный камень, словно клад нашел, - Добрый камень! Где есть подобный?

- Ваше величество! Мы брали его возле той маленькой речки, - указал рукой солдат в сторону балки Скелеватой.

Солдат поднял новую большую гудку черного камня, приготовленного для костра, протянул его царю. Петр торопливо взял в руки уголь, поворачивая, быстро осмотрел его со всех сторон, несколько раз понюхал, с шумом втягивая ноздрями воздух. Поблескивавшие в отсветах огня большие выпуклые глаза Петра, его горячее как пылающий уголь, сердце мигом наэлектризовали присутствующих, возбудили у них глубокий интерес к горячему камню. Все с любопытством впились в него глазами.

- Сей минерал, если не нам, то потомкам нашим, зело полезен будет, - пророчески произнес царь, обращаясь к присутствующим.

Резким движением руки Петр передал уголь князю Шаховскому, тот, осмотрев, - соседу. И так все по очереди рассматривали его, по примеру царя по несколько раз нюхали, пытались даже отколупнуть кристаллики.

С речки Лугани царь последовал через Бахмут и Тор на Изюм и прибыл в этот полковой центр 21 мая. Отсюда путь лежал на Харьков, Ахтырку и Полтаву. Что там было под Полтавой, теперь всякому известно.

Сбылись вещие слова Петра Великого. В 1721 году бахмутским солеварам лантрату Никите Вепрейскому и капитану Семену Чиркову, взявшим на откуп Бахмутский казенный солепромысел, выпало великое счастье открыть в той балке Скелеватой первое в Донбассе и во всей России месторождение каменного угля. Они же стали использовать его в бахмутских казенных кузницах для латания солеваренных сковород и на другие подделки. А вскоре они открыли второе месторождение каменного угля - на речке Беленькой, ныне Белой, правом притоке Лугани.

Шло время. Сотни шахт появились в Донбассе. Без угля никто теперь не может представить наш край.

СКАЗАНИЕ О ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯХ

Судьба накрепко связала имена Никиты Вепрейского и Семена Чиркова с Бахмутским солепромыслом. Капитан Семен Чирков командовал батальоном, охранявшим Бахмутскую крепость, и, следовательно, заботился о жизни и благополучии солеваров. Лантрат Никита Вепрейский, как тогда говорили, был управителем, управлял солепромыслом и всей Бахмутской округой. Так что друг друга они знали хорошо, а еще лучше ведали дела солеваров, которые в силу разных причин не всегда шли благополучно.

Бахмутский солепромысел, стихийно возникший в 1701 году, развивался в весьма сложных условиях. На его деятельности не могли не отразиться такие факторы, как постоянная опасность нападения крымских татар и ногайцев, борьба между донскими казаками и Изюмским Слободским полком за обладание солепромыслом, отсутствие топлива и острый недостаток рабочей силы. В итоге не раз менялись хозяева солепромысла, что сказывалось на его положении. На первом этапе он был частным. Затем Петр Первый отдал его в ведение Изюмского полка. Несогласные с решением царя донские казаки во главе с Кондратием Булавиным в 1705 году разорили и дотла сожгли его. В 1710 году солепромысел был взят в казну, которая видела в нем источник немалых доходов. Надежды на получение большой прибыли, однако, не оправдались. И казна решила отдать солепромысел на откуп частным лицам. Было это в 1719 году.

Откупщиков долго искать не пришлось. Они нашлись на месте. “Дело стоящее”, - подумал капитан Семен Чирков и первым изъявил желание взять солепромысел на откуп. Бывалый человек, боевой офицер, он уже довольно помотался по белому свету, не раз случалось бывать в разных переделках. В составе Изюмского Слободского полка участвовал во многих баталиях против крымских татар и шведской интервенции. В компанию

к Чиркову вошел лантрат Никита Вепрейский, тоже человек опытный, повидавший мир. Пожалуй, они были первыми арендаторами в Донбассе.

Компанейщики обязались извлекать из деятельности солепромысла 326,500 рублей дохода. По тем временам – довольно солидная сумма. Владея рычагами управления солепромыслом, они надеялись даже превысить ее, что сулило им немалые выгоды. Однако сделать это оказалось не просто: на их пути стояло не мало серьезных преград. Не говоря уже о постоянной угрозе кочевников и частых эпидемиях и морах, свирепствовавших в этих краях, необходимо было решить по крайней мере две важные проблемы: обеспечить предприятие рабочей силой и найти новые источники топлива. Первую брала на себя казна. По соглашению, которое было заключено с Чирковым и Вепрейским, правительство обязало командира чугуевских казаков ежегодно высылать на промысел до 300 рабочих. Кроме того, старшинам слободских полков был дан указ каждый год направлять в Бахмут 415 рабочих. Вторую проблему – поиск новых источников топлива – компанейщики взяли на себя.

Топливная проблема в России остро встала уже в начале 18 столетия. Ведь чугун и другие металлы плавил тогда исключительно на древесном угле. На нужды металлургической промышленности изводились целые лесные массивы. Правительство Петра Первого вынуждено было строжайше запретить рубку лесов. В условиях степного безлесья в Донецком крае эта проблема стояла еще более остро. Для выварки соли бахмутским солеварам постоянно требовалось огромное количество дров. Немало леса шло на выжигание древесного угля, применявшегося в казенных кузницах. За короткое время по речкам и балкам в радиусе 30-40 верст от Бахмута было вырублено почти все, что можно было рубить. Дрова для солепромысла, как и древесный уголь, стали привозить из более отдаленных мест, что приводило к удорожанию соли.

Никита Вепрейский и Семен Чирков не раз задумывались над тем, как решить топливную проблему. Выход виделся в применении каменного угля. Они знали, что в Англии и некоторых других западноевропейских странах каменный уголь давно уже используется для выплавки металлов и в кузницах. Да и адмиралтейские кузницы в Санкт-Петербурге, где приходилось им ковать своих лошадей, применяли привозной заграничный каменный уголь. А тут как раз кстати вышла петровская Берг-привилегия. 10 декабря 1719 года Петр Первый издал указ, регламентирующий поиски руд и минералов в России. Этот документ стали называть Горной регалией, или Берг-привилегией. Он возводил Берг-коллегию в ранг центрального ведомства по руководству рудным делом в стране. В нем излагались условия поиска и разработки руд и минералов. Искать полезные ископаемые разрешалось всем и повсеместно. А тем, кому выпадает счастье найти руду или минералы, щедрое вознаграждение обещали. При желании такой удачник мог даже получить жалованную грамоту на право разработки открытого месторождения. Ну как было не увлечься этим делом, как не попробовать свои силы и не испытать счастья!

Этот важный петровский документ вдохновил Вепрейского и Чиркова, людей смелых, решительных и пытливых, на поиски нового вида топлива – каменного угля.

И вот в сопровождении доброго десятка верховых солдат Никита Вепрейский и Семен Чирков отправились на поиски угля. Прихватили с собой нужные орудия труда – ломы, топоры, кирки, лопаты. Вперед выслали дозорных, чтобы кочевники, в случай чего, не застали экспедицию врасплох. Лантрат и капитан хорошо знали эту местность. Не раз они выезжали вместе то на рекогносцировку в целях обороны крепости от врага, то на поиск леса по окрестным балкам и речкам. Солепромысел находился в зоне повышенной опаснос-

ти. Кругом рыскали татарские орды и мелкие группы кочевников, в любую минуту готовые напасть на беззащитных людей, ограбить их, захватить в плен и продать в рабство. Работоторговля у татар была важной статьёй дохода.

Экспедиция взяла направление на восток. Ехали медленно, присматриваясь к местности, заглядывая в лежавшие по пути балки и овраги, даже маленькие ручейки. Вода – она добрая помощница разведчиков недр. Размывая почву, обнажает пласты. Делает их доступными для обозрения.

Часа через три подъехали к речке Лугани. Здесь, в самых верховьях, она была мелководной. Особенно это было заметно теперь, в начале сентября, когда за лето выпали считанные дожди. Осмотрели берег. Переехали вброд. С правого берега чуть выше этого места в Лугань впадала балка Скелеватая, по дну которой струилась небольшая речушка. Скорее похожая на ручей. Продвигаться дальше решили по ее берегу. Не прошли и трех верст, как в глаза бросился глубокий разрез горы, образовавшийся в результате многолетнего воздействия воды. Словно в слоеном пироге, здесь обнажались пласты земли, отличавшиеся цветовыми оттенками. Четко выделялся верхний слой – чернозем, густо пронизанный корнями трав и кустарников. Затем шла красноватая глина, местами кропленая гравием и галькой, за ней – серый песчаник. А ниже чернел сравнительно тонкий, примерно в аршин, пласт неизвестного минерала. Что бы это могло быть? Вепрейский с Чирковым переглянулись. Их охватило радостное предчувствие удачи.

- Не тот ли и есть минерал, который мы ищем? – взглянув на спутников, вслух подумал Семен Чирков. Он взял кирку, высоко взмахнул. Черные кристаллы со звоном брызнули из-под удара. Вепрейский и Чирков бросились подбирать их. Не остались безразличными и работные люди, солдаты, стоявшие рядом. Одни пыта-

лись растирать их в пальцах, другие нюхали эти черные кристаллики, пробовали их на зуб.

- Уголья. Так и есть – земляное уголье, - с восторгом произнес Никита Вепрейский, держа в вытянутой руке большую черную грудку и показывая присутствующим.

- Оно самое, господин лантрат, - согласился Чирков, принохиваясь. – Уверен – оно. Запах тот самый. Как сейчас помню. В Санкт-Петербурге кузнец-иноземец подковы делал, на аглицком угле полковых лошадей ковал, я нюхал. И вид такой же.

Тут же разожгли костер, положили в огонь несколько черных грудок. Все стали с интересом наблюдать, как пламя охватывает грудки угля, лижет их черные бока, как раскалившись, они начинают издавать сильный жар и своеобразный запах.

- Горюч-камень. Добрый минерал, - похваливали руководители экспедиции, а за ними рабочие и солдаты, наблюдая за углем, что лежал в костре.

Солевары и солдаты по команде Чиркова сняли верхний слой земли. Хорошо довелось поработать. Обнажив угольный пласт, взялись за ломы и кирки, начали ломать уголь, крупные куски укладывать на повозку. Между тем день подходил к концу. Решили здесь же заночевать. А рано утром следующего дня двинули назад в Бахмут. Уголь испытали в бахмутских казенных кузницах, где правил бал древний бог огня Гермес, где почти круглосуточно пылали горны, раздавался звон металла, громко стучали молоты молотобойцев. Результат оказался выше всяких ожиданий. Сначала вместе с древесным, а затем один, каменный уголь быстро разгорался в горне, раздуваемом кузнечными мехами, давал сильный жар. Они были довольны новым горючим минералом. Но больше всех радовались Вепрейский и Чирков.

О находке каменного угля Вепрейский и Чирков донесли своему ведомству – государственной Камор-коллегии, которая ведала государственными доходами, ка-

зенным откупам и подрядами. Это было то самое ведомство, с которым они заключили договор на откуп Бахмутского солепромысла. Сообщив об открытии каменного угля, откупщики просили начальство прислать в Бахмут рабочих для разработки угля. Своих работников в Бахмуте было очень мало, а солдат после недавнего мора осталась в живых едва третья часть, так что и в караулы некого было послать, а о работе и говорить не приходилось.

Туда же, в Камор-коллегию, Вепрейский и Чирков отправили в одном боченке образцы каменного угля, а в двух других – пробы найденных руд. Получив из Бахмута эту необычную посылку, в Камор-коллегии были озадачены: что с ней делать? В ведомстве не было специалистов по качеству полезных ископаемых. Они знали, что этими проблемами занимается Берг-коллегия. Туда и переправили привезенные нарочным из Бахмута каменный уголь и руду.

Этот весьма важный в истории Донбасса и всей Российской империи факт был зафиксирован в журнале Берг-коллегии. “В прошлом 1722 году января 20-го дня в Берг-коллегию от президента государственной Камор-коллегии господина Галицина прислано для объявления разных руд для проб в двух бочонках да еще в бочонке земляного угля, которые де сысканы близ Бахмутских соляных заводов”, - сообщалось в нем.

Случилось это в верховьях речки Лугани, в балке Скелеватой. В то далекое время здесь не было поселений. По нынешним ориентирам первый уголь в Донбассе был найден близ поселка Луганское и Мироновской ГРЭС, на территории Артемовского района Донецкой области.

Никита Вепрейский и Семен Чирков, движимые хозяйственными заботами и желанием обеспечить успешную работу Бахмутского солепромысла, вряд ли тогда сознавали всю важность результатов поиска нового вида топлива. Для них, людей увлеченных делом, это

была обычная, хотя и интересная работа, которая приносила душевное удовлетворение. С позиций же потомков – это был великий подвиг, одно из важнейших событий в истории Донбасса – открытие каменного угля в бассейне. Событие не только масштаба Донецкого бассейна. Это было событие всеукраинское, всероссийское. Здесь, на Лугани, в балке Скелеватой впервые был открыт каменный уголь в тогдашней Российской империи. И полетела по всему миру слава о первооткрывателях угля. Имена Никиты Вепрейского и Семена Чиркова навечно вошли в анналы истории Донбасса, Украины и России.

КАК БЫСТРЯНСКИЕ КУЗНЕЦЫ КАПУСТИНА ПОДКУЗЬМИЛИ

Шел январь 1723 года. Почти два года прошло с тех пор, как Никита Вепрейский и Семен Чирков открыли каменный уголь в Донбассе. Поехал Григорий Капустин на Дон, в казачьи городки по уголь. Указ царский 27 декабря 1722 был дан ему. А на другой день тот указ своим приговором Берг-коллегия подтвердила. Неделя на сборы – и он в пути.

Едет в санях Капустин по зимней дороге с солдатом Никитой Столбовым. Как-никак, а все же вдвоем веселее. Путь-дорога дальняя. Из самого Санкт-Петербурга, столицы Российской, через Москву и Тулу надо добраться до села Белогорья на Дону, оттуда – в казачьи городки, что на Оленьих горах на берегу речки Кундюрьчей, правом притоке Северского Донца. Хоть словом есть с кем обмолвиться. А главное – защита. Очень уж опасно было в те времена ходить и ездить по незаселенным местам юга, по Дикому полю. Того и гляди – в лапы кочевников, татар и ногайцев попадешь. Ограбят или убьют, а то и в плен захватят, в вечное рабство туркам продадут. Перспектива – не из приятных. А солдат – есть солдат. Он все-таки с ружьем. А огнестрельного ружья, известно, кочевники побаиваются.

Приехали в донской казачий городок Быстрианск, что

на левом берегу Донца. До Кундрючьей – рукой подать. Вот и устье ее через Донец виднеется. Но прежде надо с быстрианскими кузнецами встретиться, потолковать малость. Таков совет, а точнее приказ Василия Лодыгина.

По России разнесся слух, будто быстрианские кузнецы жгут в своих кузницах замляное ископаемое уголье. Оно дешевле древесного. И жару больше дает. Ясное дело, все это кузнецы в строгом секрете держали. Но не было еще такого секрета, про который не проведал бы народ. Вот и эти совершенно секретные сведения дошли до самой столицы. А в Санкт-Петербурге – до Василия Лодыгина, главы рудоискателей Берг-коллегии.

Берг-коллегия – это горное ведомство, учрежденное Петром Великим, что-то вроде современного министерства. Ведало оно горными заводами, поисками полезных ископаемых занималось. Василий Лодыгин был уже дряхлым, болезненным стариком. Нелегко ему смотреть за делами рудоискателей. Да и заводик отвлекал. Имел он небольшой свой завод металлургический на Медведице, между Доном и Хопром. Ему требовался хороший помощник. Вот и взял он к себе Григория Капустина, человека не обремененного семьей, служившего прежде подьячим в Даниловской приказной избе Костромской губернии. К тому же еще в Северном крае Григорий к поиску руд интерес проявил. Да и то важно, что грамоте был обучен. Такой и нужен был Лодыгину. Не по казенному, конечно, ведомству, а как бы по частной линии. Известно, ведь, - было время крепостного права. Так что летом 1722 года Капустин по делам Лодыгина успел уже и на Дон съездить, побывал на его заводике. И теперь более половины пути ехал по знакомой дороге.

Возле быстрианской кузницы Капустин остановил лошадь. Хоть и зимнее было время, а дверь оставалась открытой для проветривания. Шагнул через порог, за ним солдат с ружьем. Поздоровался по местному казачьему обычаю. Глянул на горн – уголек каменный тлеет, не древесный. “Так и есть, - подумал про себя Капустин, - слухи верные”.

А кузнец Иван, детина – косяя сажень в плечах, с шапкой русых волос на голове, подстриженных под горшок и перевязанных тонкой кожаной полоской, в холщовом фартуке, прощупывал своими зелеными с хитрым прищуром глазами гостей, переводя взгляд то на Капустина, то на солдата Столбового. В полутьме помещения его закопченное лицо напоминало облик негритоса.

-Издалека будите? Видать, не тутошние...

-Из столицы мы, из самого Санкт-Петербурга...

-О го-го, далекие гости! Извольте спросить, куда путь держите?

-Считай, приехали...- многозначительно ответил Капустин. – Царь-батюшка Петр Алексеевич проведаль, что в ваших краях уголье земляное водится. Вот и приказал накопать пудов пять и привезти на пробу. Вижу и вы в немалом количестве пользуете его.

Он подошел к горну, протянул к тлеющему огоньку озябшие руки.

Молотобоец, молодой парень Митрий, или Митяка, как звали его по местному обычаю, качнул ручку мехов. Языки пламени, искрясь, вырвались изнутри и поднялись над горкой угля. На покрытых толстым слоем копоти стенах от раскаленного горна зайчиком заплясали яркие блики.

- Видать, хороший жар от него, - заметил Капустин, потирая руки, ощутившие приятное тепло. – Надеюсь, покажете нам, где такое уголье взять можно. Вот и царь Петр об этом просит.

Он снял шапку-треух, достал из нее сложенный вчетверо лист бумаги – копию императорского указа – и громко, отчетливо зачитал:

- Дан 1722 году, декабря, 27 дня. По имянному его императорского величества указу послан из Берг-коллегии подьячий Григорий Капустин с солдатом на Дон, в казачьи городки в Оленьи горы да в Воронежскую губерню под село Белогорье для копания каменного уголья и руд...

Капустин оторвал взгляд от указа, важно посмотрел на кузнеца. Чувствовалось, что указ произвел должное

впечатление на Ивана. Сам вид царского посланца тоже был довольно внушительным. Чуть вытянутое лицо с темнорусой бородкой, высокий лоб, серьезный взгляд не то голубых, не то серых глаз, цвет которых в сумраке помещения кузнецы трудно было определить, настроивал Ивана на серьезный лад. Рудоискатель развернул второй лист.

- А это предписание Берг-коллегии, - объяснил он. - И в этом документе о том же сказывается.

И он начал читать.

- И велеть ему (это значит мне, Капустину, похлопал он себя ладонью по груди) в тех местах того камня и руд копать в глубину сажени три и более и, накопав пудов по пяти, привезти к Москве... И чтоб в том копании в тамошних местах ни от кого не токмо б помешания не было, но вспоможение б чинили...

Капустин снова прервал чтение, перевел взгляд на кузнеца.

- О вспоможении тут речь. Это прямо вас касательно.

- Понимаю, понимаю, - согласно кивнул головой кузнец.

Неожиданное появление Капустина и характер его важного задания повергли кузнеца в замешательство. Сказать незваному гостю: "Ничего, мол, не знаю об уголье", - не мог. Поздно было. Приезжий все увидел своими глазами. Теперь надо иной выход искать. А пока - посоветоваться с товарищами по профессии, знающими об уголье.

- У нас тут заезжий двор рядом. Видели? Устраивайтесь, почивайте пока. А завтра погутарим. Утро вечера мудренее.

Капустин с Никитой Столбовым свернули на заезжий двор, а тем временем Иван послал за товарищами по огненной профессии, бросил клич сборов, чтоб совет держать.

Ночью в курене Ивана собрались кузнецы со всей округи. Неожиданный приезд рудоискателя взволновал их. Кузнецы - народ ушлый. Пронюхав года полтора назад об опыте использования каменного угля в Бахмутских казенных кузницах, они быстро освоили его и

получили немалый выигрыш. А теперь вот нависла угроза лишиться этого преимущества. Кузнецы понимали: повезет царский посланец в центр добрые уголья — жди беды. Понаедут отовсюду копать его. Тогда прощай наша выгода. Нет, нет! Нашу монополию на уголье надо сохранить во что бы то ни стало! А поможет тут только хитрость.

Так уже издавна повелось у мастеровых. Любили они подшутить над новичками. А тут и необходимость такая появилась, интерес личный, можно даже сказать жизненный. Вот и решили сделать такой ход. В кузнице накопилось много породы. На вид похожа на уголь, но не горит. Почему бы не наделить этой породой Капустина? Видать, не очень шибко он разбирается в этом деле. Насыплем мешок — пусть везет. А по его пути всех наших друзей в Туле и Москве оповестим.

Утром Иван приветливо встретил рудоискателя, справился о самочувствии. И тут же высказал готовность во всем помочь ему.

- Мы и уголья дадим. Зачем тратиться на наем работников? Да и хлопотно это — зимой копать. У нас уголье в запасе — вишь, сколь его? Жарко горит. Ты сам свидетель. И топоры, и серпы, и подковы ковали на нем. Покажем, где брали.

- Добре, брат, добре. Благодарствую. — Капустин был доволен Иваном. — И царь-батюшка отблагодарит за доброту твою.

- Митяка поедет с вами на Оленьи горы, — продолжал Иван. — Он все знает. Покажет, где уголье копаем.

Ехали долго вверх по высокому берегу Кундрючьей. Миновали Нижнекундрюченский городок, сделали еще верст двенадцать с гаком. Наконец Митяка, осмотревшись, сказал:

- Кажись, тут. Вот большая яма. Края уже обвалились. Засыпало. До уголья теперь не добраться. Да и снегу много, земля мерзлая. Летом бы зручнее. Тут, скажут, и золотишко и серебро водилось.

Это Митяка подбросил идею Капустину по совету кузнецов. Он ведь тоже получил тайное задание вести рудоискателя подальше от угля.

Остановились. Капустин обошел вокруг ямы, осмот-

рел окрестности. “Да-а, - подумал,- дела! Копать три сажени и более в глубину приказано. Разведка недр – не зимняя работа. Летом – другое дело. Там все открыто, видно, где что копать. Хорошо, хоть, что кузнец Иван, добрая душа, пообещал выручить. Насыпать мешок угля. Без этого – хоть пустым возвращайся. А сидеть тут до весны – с голоду помреш!

Капустин кликнул Никиту Столбового. Взяли кирку, лопату, отбросили от бугра снег. Надолбали промерзшей земли. Капустин сыпнул в один, во второй мешок. Перекрестился. “Авось, что-нибудь да и блеснет среди этих камней”. Хоть и слабая, а все же надежда. А без нее как же?

Вернувшись в Быстрянск, пожили несколько дней на постоялом дворе, набрались сил на обратную дорогу. Потом взвалили на сани мешок угля, что приготовил кузнец Иван, и в путь. Заехали в село Белогорье. Тут тоже покопали, помогли местные казаки, взяли пробы и двинулись дальше по направлению к дому.

Едет Капустин домой, ненарадуется. Так легко удалось выйти из затруднительного положения, думает. Спасибо донскому казаку кузнецу Ивану. А без него как бы вышли из положения, выполнили царский указ и предписание Берг-коллегии? Подъезжая к Туле, вспомнил, что быстрианский кузнец советовал в тульскую кузницу заглянуть, привет тулякам передать с Донца. Как не воспользоваться добрым советом?

Заехали. Только не знал Капустин, что тут уже побывал гонец из Быстрианска. Тульские кузнецы теперь все знают и о задании Капустина, и о том угле, что везет он в мешке. Стремясь поддержать иллюзию успеха рудоискателя, похваливают уголь, что в мешке, рассказывают, заливают, что и они таким же подковы ковали.

И в Москве кузнецы по сценарию своих быстрианских собратьев такую же шутку с Капустиным сыграли. Пусть, мол, тешит себя надеждой.

И тем тяжелее для Капустина оказался удар, когда в Санкт-Петербурге сделал пробу кузнечный мастер Марко Резр, со слов которого в журнале Берг-коллегии сделал запись:

“Иноземец кузнечный мастер Марко Фрезр* сказал :

*Писарь со слов Марка Резра записал неточно его фамилию – ФРЕГЭР.

Сам же кузнечный мастер писал – Резр. (Примич.автора).

“Который земляной уголь дан ему опробовать, который взят в Воронежской губернии в донских городках согласно донесениям подьячим Капустиным, он Фреэр, тот уголь опробовал. И по пробе явилось, что от одного угля действия никакого не показалось. Только оной уголь в огне трещит и только покраснеет, а жару от него никакого нет. И как вынешь из огня, будет черно, как и первой”.

Что и говорить, подкузьмили быстрянские кузнецы Капустина, обвели вокруг пальца. Ну и кузнецы! Ну и шутники!

ОСАДЧИЙ МИХАЙЛО ЧЕБОТАРЕВ

На берегу Северского Донца, в устье речки Красной, стоял донской казачий городок. В этом городке, по прозвищу Краснянский жил да был казак Михайло Чеботарев. Казак как казак. Как все: ходил в боевые походы, защищая донецкий край от кочевников, охотился на дичь, сеял хлеб. “Такой, да не такой”, - скажете вы. И будете правы. Одинаковых людей не бывает. Чуть больше у него было понятия о жизни, о наблюдаемых событиях и явлениях. А в груди стучало более чуткое, чем у других, сердце.

Видит Михайло: много земли у жителей городка, бывших донских казаков, которых после разгрома булавинского восстания стали называть однодворцами. Так много, что тысячи десятин гуляет, как бы она излишняя у них. А тем временем другие жестко страдают от безземелья. Особенно братья-украинцы, бегущие с правого берега Днепра от гнета шляхты, как там называют помещиков-крепостников. Задумался казак. И пришла ему в голову светлая мысль. Оседлал он коня, поехал в Бахмут, в провинциальную канцелярию. Заходит, а там сидит полковник – и воевода, и главный гражданский чиновник в одном лице.

- Господин полковник, - обращается к нему Михайло Чеботарев. – Не по личному я делу ходатай. О людях заботу имею. Много у нас гуляет земли, которой сообщают краснянские и сухоревские казаки. И места там добрые, привольные. Поселить бы на речке Кременной или в урочище Бычок пришлых черкас из-за Днепра. Да дать бы им льготы года на три. Обжились бы они там как следует, и глядишь, - налог стали бы платить исправно. Казна бы

государственная пополнилась...

- А что, дело ты сказываешь, казак, - говорит полковник. А сам подумал: "Видать, умный, даром, что однодворец, по-государственному мыслит". И уже вслух:

- Народ нам нужен. Будут люди – будут и деньги.

Поняли друг друга полковник и рядовой казак. Не долго думая, полковник приказал писарям сочинить документы. Михайле Чеботареву вручил Указ и Инструкцию от 12 июля 1733 года. В документах Бахмутской провинциальной канцелярии велено Михайле Чеботареву осадчим быть и на речке Кременной или в урочище Бычок черкас, т.е. вольных малороссиян, для жилья и поселения принимать. В Инструкции Чеботареву написали: "Сколько оных черкас в котором месяце и числе прибудет, рапортовать в Бахмутскую провинциальную канцелярию в сентябре месяце. И тем пришлым черкасам от всяких работ дать льготы с поселения на год."

Так в Донбассе благодаря заботам Михайлы Чеботарева появилось новое поселение – слобода Кременная. В 1733 году, в год основания, в ней насчитывалось 13 душ. Вскоре она превратилась в крупный населенный пункт. В 1763 году в Кременной уже насчитывалось 680 мужских душ. А ныне это известный в Украине город, центр Кременского района Луганской области.

ВЕЧНЫЙ ЖИТЕЛЬ СЕЛА

Гулял запорожский казак Андрей Сологуб по просторам Кальмиусской паланки. Гулял не год, не два, а много лет. Видел здесь прекрасные поля и речки, луга и балки. И не на шутку влюбился в этот цветущий край. Сядет, бывало, Андрей на высоком берегу речки Волчьей, притока Самары, по которым пришел сюда от самого седого Днепра-Славутича. Сидит и смотрит во все стороны. Вокруг – ни души. Только в лугу да в бескрайней степи тихо колыхаются высокие травы. То склонятся они к земле от легкого дуновения ветерка, то вновь поднимутся, словно зеленые морские волны. И кажется ему, что живая степь дышит, как великан. А когда над речкой промчится стайка быстроногих диких коз или мимо не спеша проковыляет длинноухий заяц, не обращая на тебя никакого внимания, слов-

но и нет тебя тут, или низко пролетят и сядут неподалеку, сложив свои широкие крылья., красавцы журавли или тяжелые дрофы – хочется каждого из них поймать, прижать к себе, и нежно погладить и сказать: “Век бы с вами не расставался, друзья мои!”

В такое время у Андрея рождались добрые мечты. “Вот бы, - думал он, - поставить тут, над речкой, хату, обзавестись хозяйством. И жить бы себе, поживать. Сколько тут можно было бы скота развести! И пшеницу да гречку можно было бы посеять, а около хаты садов вишневый посадить. А в хате бы хозяйничала моя милая Галя. Давно я ее не видел, года три, наверное. Крепко обещала ждать. Ждет ли?”

Не сразу, однако, мечты Андрея Сологуба стали реальностью. Долго еще по Донецкой земле кочевали крымские татары и ногайцы. Только в 1769 году, когда российские войска совместно с казаками избавили эти земли от нашествия турок и их сателлитов, над Кальмиусской паланкой забрезжил рассвет. Опасность набегов миновала. Отвоевался и запорожский казак Сологуб, отходил в походы. После полученного в стычке с кочевниками ранения вышел в отставку и над тихой речкой Волчьей стал строить зимовник. Теперь он только и мог, что хозяйствовать возле дома.

Живет себе отставной старшина Андрей Сологуб в своем зимовнике, превратившемся в хутор. Кругом тишь да благодать. Целых пять лет прошло в такой тиши над речкой. И скотом уже Андрей обзавелся, и птица появилась своя. Но мир тоже не стоял на месте, менялся на глазах. Земли Донбасса отошли к Азовской губернии. И вот как-то в 1775 году приехал в хутор Сологуба сам губернатор Чертков. Увидел хозяина. Понравился губернатору отставной казак – смелый, решительный, влюбленный в свой край. “Побольше бы таких,- думает он,- чтобы заселить эти земли”. И говорит губернатор отставному казаку:

-Будеш ты, Андрей, осадчим. Поселяя тут свободный народ. Дадим людям землю. Пусть расцветает, богатеет наш край. И тебе веселее будет.

Тут же писарь сочинил соответствующий указ, губернатор подписал его, вручил казаку. И стал Андрей Сологуб собирать свободный народ и осаждать его здесь на постоянное жительство. Вскоре образовалось село. А назвали

его именем осадного, отставного казака – Андреевкой.

Не одна сотня лет прошла с тех пор. Стоит в Великоновоселовском районе Донецкой области большое село Андреевка. Вечным его жителем стал бывший запорожский казак Андрей Сологуб.

КАК ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА В ХОРУНЖИЕ ПРОИЗВЕЛИ

Тревожным был 1768 год в Донбассе. Оттоманская империя объявила войну России, угрожая истребить все население южного края, в том числе и славяносербские поселения на правом берегу Донца между речками Луганью и Бахмутом. Россия готовилась отразить нападение противника. Воинский гарнизон Бахмута, который был главной крепостью на юге и центром Донбасса, усилили полком донских казаков. В том полку служил и рядовой казак Емельян Пугачев.

Кто бы тогда мог подумать, что через несколько лет малоприметный Емелька Паугачев станет всемирно известным предводителем крупнейшей крестьянской войны, охватившей добрую половину огромной России?

С началом военных действий в 1769 году донцы были направлены на русско-турецкий фронт. В конце 1769 года казаки снова вернулись в Бахмут на зимние квартиры. Весной 1770 года они опять на фронте. В сентябре были взяты Бендеры. Е.И. Пугачев в это время, получив увольнение от службы по болезни, отправился на Дон. Вполне вероятно, что путь его из Бендер на Дон лежал через Донбасс. Это уже третье пребывание Пугачева в нашем крае. А всего же он посетил Донбасс не менее шести раз.

С Донбассом связано и производство Пугачева в офицеры. В один миг из рядового казака он превратился в хорунжего, получив казачий офицерский чин, равный подпоручику. Как это случилось?

Вероятно уже тогда в голове Пугачева бродили дерзкие планы борьбы за волю. Уклоняясь от службы, он бежал с Дона, и в 1772 году снова оказался в Донбассе. На этот раз в селе Кабанье (ныне городской поселок Краснореченск Луганской области), в доме Осипа Коровки. Дом этот не

случайно привлек Пугачева. Осип Коровка был старовером, следовательно, находился в антиправительственном лагере.

Пугачев рассказал Осипу, что едет в Кременчуг, оттуда в Бендеры, где, будто, генерал Каменский поселяет людей на свободных землях. Идея переселения на новое место пришла по душе Осипу Коровке. Он сказал: “Здесь нашей братье – староверам жить нельзя, я же за крест и бороду страдал в Белгороде с сыном лет семь.. Коли принимают там, поедешь назад, заезжай и скажи мне. Я б со всем домом туда поехал”.

Тут Пугачев признался, что у него нет паспорта, а туда без паспорта ехать нельзя. Выход нашел Остап Коровка.

- Я велю сыну написать тебе паспорт, - сказал он.

Сказано-сделано. Сын Осипа Коровки Антон сочинил Пугачеву паспорт. Только не рядовым казаком его назвал, а хорунжим. И подписал, подделав подпись полковника Денисьева. В этом был свой резон. Где это видано, чтобы рядовой казак самостоятельно путешествовал по чужим краям? Человек с таким паспортом сразу же вызвал бы подозрение. Другое дело – офицер.

Так по воле сына Осипа Коровки Антона Емельян Пугачев был произведен в офицерский чин хорунжего. И произошло это на Донецкой земле.

Взяв фальшивый паспорт, Пугачев поехал. Но вскоре вернулся. По причине эпидемии на дорогах были карантинны. Осип Коровка спросил:

- Что ж, селятся ли под Бендерами?

Обманывая Осипа, Пугачев сказал:

- Я ездил, и там селятся. Только надобно тебе самому ехать и выправить указ.

- Самому мне ехать нельзя. Возьми с собой сына.

На том и порешили. В написанный им паспорт Пугачева Антон вписал себя под именем донского казака Набокова. Осип Коровка дал Пугачеву 50 рублей, пару лошадей. И он поехал с Антоном. В Елизаветинской крепости (ныне Кировоград) узнали они, что никакого поселения в Бендерах нет. И решили ехать в Польшу. Но тут требовался новый паспорт. И Антон сочинил его, указав, будто они отпущены Краснощекковым (был такой донской казачий полковник) на Дон. Но им не повезло. Встретивший-

ся им русский офицер забрал у них лошадей и деньги. Хорошо хоть, что самих отпустил. Пошли они пешком в Ветку, небольшой городок на р. Сож, выше Гомеля верст с тридцать. Это, конечно, Белоруссия. Но тогда она была во владении Польши.

Пугачев знал, что Ветку заселили старообрядцы, и хотел установить с ними связь и заручиться поддержкой. Оставив Антона в Ветке, Пугачев снова явился в Донбасс, в Кабанье. Переночевав здесь одну ночь, он уехал, получив на дорогу от Осипа Коровки 5 рублей. Это было шестое и последнее известное нам посещение Донбасса Пугачевым.

РАЙ ЗЕМНОЙ В ДОНБАССЕ

Прекрасная природа Донбасса никого не оставляла равнодушным. На что уж был разборчив фаворит Екатерины Второй князь Г.А. Потемкин, повидавший красу природы на всех широтах от Петербурга до Крыма, Причерноморья и Молдавии, а и тот поддался очарованию Святых гор и их окрестностей по берегам Северского донца. А понравившееся непременно хочется иметь у себя. И Григорий Александрович обратился к своей высокой повелительнице, обитавшей в Зимнем Дворце, с просьбой подарить ему эти прекрасные Земли, этот рай земной, как он писал своей Катюше.

Понятно, почва для решения этого вопроса была уже подготовлена. Еще в 1764 году в России началась секуляризация – обращение церковной собственности в светскую. На Украине же по ряду причин она проводилась в 70-х – 80-х годах. А в 1788 году Святогорская обитель была закрыта. Так что надежда у фельдмаршала была полная. Да и могло ли быть иначе? Могла ли Катюша отказать своему любезному другу?

Осенью 1790 года Потемкин писал из Бендер своему помощнику, полковнику М.Л. Фалееву, строителю Николаевского морского порта, занимавшемуся к тому же проблемами освоения Донбасса: “Мне на именины прислали ягонтовый червчатой большой и дорогой перстень и дача пожалована Святогорская, 1400 душ, со всеми угодьями. Ежели Ливанов не уехал, то скажи ему, ежели уехал, то нароч-

ного пошли, чтобы приехал на Донецкую мою дачу ради описания”.

Фалеев разыскал профессора Ливанова, и тот сделал описание дачи Потемкина. А вскоре по указанию князя здесь был сооружен роскошный барский дворец, а на берегу озера с целебными водами построены купальни, которые называли банями. Так было положено начало селению Банному, нынешнему городу Славяногорску, прекрасному курорту.

Словно предугадывая значение этой местности в будущем, Екатерина Вторая тоже выразила свое неравнодушное к ней. В письме к Потемкину она писала: “ Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович! Дав тебе рай земной сегодня, как ты называешь ту дачу, которую ты у меня просил, прошу тебя, если вздумаешь оную паки продать, предпочтительно мне оную продать”.

Не долго, однако, Потемкину пришлось пользоваться раем земным в Донбассе. Через год, в 1791 году, он сменил земной рай на небесный.

КАК ОТКРЫЛИ УГОЛЬ В ЛИСИЧЬЕЙ БАЛКЕ

Уже смеркалось, когда руководитель горной экспедиции Черноморского флота Николай Аврамов, разрабатывавший залежи каменного угля в окрестностях села Селезневки, закончил работу. Гонец из губернии разыскал его в имении помещика Яковлева.

-Господин надворный советник. Вам срочный пакет от губернотора.

Николай Федорович вскрыл пакет. Письмо губернотора было коротким. В.В. Коховский писал, что во время перевозки каменного угля из Селезневки в новые Черноморские порты через Кичкас на Днепре, равно как и через Таганрог, много теряется топлива. Уголь при длительной транспортировке в фурах и перегрузках крошится, превращаясь в труху. Губернатор ставил Аврамову задачу найти залежи каменного угля ближе к портам или на берегу реки, откуда можно было бы доставлять его водой прямо в Херсон и Николаев без перегрузки. Далее он предлагал

Аврамову отправиться “для приискания угля в казенных дачах, лежащих по реке Донцу”.

Через несколько дней Николай Аврамов со своими спутниками уже был в селе Серебрянке Бахмутского уезда на берегу Северского Донца. Отсюда экспедиция направилась вниз по течению реки. Первый день положительных результатов не дал, если не считать увиденных обширных запасов мела в окрестностях сел Шипиловки и Белогоровки. На второй день в даче помещицы Райсы Шаховой экспедиция обнаружила каменный уголь. Месторождение находилось на частной земле села Рубежного. Помня указание губернатора искать уголь в казенных дачах, Аврамов детальную разведку проводить не стал.

Зато третий день поисков оказался чрезвычайно плодотворным. Вступив на землю казенного села Верхнего, которое называли еще Вышним и Третьей Ротой, Аврамов был предельно внимателен. Он понимал: раз уголь имеется в недрах соседнего села Рубежного, то должен он быть и в находящейся рядом верхнянской даче. Обследовав Дурной Яр, расположенный на верхнянской земле, экспедиция прошла по самому берегу Донца. Заглядывали в каждую расщелину отрогов Донецкого кряжа, нависавшего здесь над Северским Донцом. Издавна этот район Донецкого кряжа называли Соколиными горами.

На пути оказалась балка Лисичья. Пройдя по широкому ее устью несколько десятков метров, стали подниматься на гору. Вскоре балка сузилась. По краям ущелья торчали острые серые плиты известняка, местами нависая над пропастью. Было видно, что балка образовалась от разлома мощного верхнего пласта известняковых отложений. А затем сделали свое верное дело потоки воды, прорезая пласты земли на большую глубину.

Участники экспедиции видели, как почти на отвесных краях балки вырисовывались пласты почвенных отложений. В глубине чернел небольшой слой каменного угля. Однако подходы к нему были затруднены. Узкая каменная щель, глубина которой превышала три десятка метров, не позволяла подойти к пласту вплотную.

По северному склону балки участники экспедиции поднялись выше и пошли по направлению к вершине, заглядывая в глубину балки сверху. Не прошли и с пол-

версты, как Аврамов на противоположном обрывистом краю увидел выход пласта каменного угля. Залегал он близко от поверхности, так что был доступен для обследования и разработки.

Экспедиция вышла на плато, обследуя каждое углубление в земле. И здесь обнаружили выходы пластов угля на поверхность.

Усталые участники экспедиции были довольны результатами поисков. Николай Аврамов испытал глубокое чувство радости. Открытие каменноугольного месторождения в Лисичьей балке, на Сокольих горах, стало большой удачей экспедиции. По этому поводу в декабре 1792 года Н. Аврамов сообщил В.В. Коховскому: “Во исполнение вашего превосходительства приказания ездил я за прииском каменного угля по берегу реки Донца, начав от слободы Серебрянки, вниз по течению до села Вышнего, и сколько нынешнее холодное время позволило, старался делать по примечаниям разработки в разных местах. Напоследок при помянутом селе Вышнем от оногo вверх по Донцу верстах в четырех в казенных к тому селу принадлежащих дачах в боераке, называемом Лисичьим, найден мною слой каменного угля толщиною в аршин, в длину открыто шурфом на 25 сажен”.

В донесении губернатору Аврамов подчеркивал изобилие угля и возможность добывать его здесь в большом количестве. “Да и уголь по чинимому мною опыту оказался несравненно лучшей доброты, нежели тот, который открыт был в Донецком уезде при речке Белой. А сверх того доставление в приморские города быть может водою, начиная по реке Донцу и далее”, - писал он. Вместе с донесением Аврамов послал губернатору на пробу образцы каменного угля из Лисичьей балки. Каховский был вполне доволен его качеством. “По уверению трех голандцев – Волана, Фон-дер Платенца и Ферстера, присланное от г. Аврамова уголье есть лучшей доброты,- писал губернатор 20 декабря 1792 года в С.-Петербург тайному советнику В.С. Попову.- Для опыта мы сами топили им печку”.

Года через полтора, летом 1794 года, в Лисичью балку приехал Карл Гаскойн, встретился с Аврамовым. Ознакомившись с месторождением, он признал необходимым организовать здесь промышленную разработку каменного угля

для Луганского литейного завода и на другие нужды.

Вскоре открытое месторождение в Лисичьей балке стало знаменитым не только в Донбассе, а и во всей Российской империи. В 1795 году здесь был заложен первый рудник Донбасса и шахтерский поселок – будущий Лисичанск.

КЛЮЧИ ОТ ПОДЗЕМНЫХ КЛАДОВЫХ

В Лисичьей балке над Донцом строили первую шахту Донбасса. Шахтеры медленно вгрызались в чрево Земли. Чем глубже они спускались под землю, тем тверже становилась порода. словно сама природа сопротивлялась, не хотела открывать людям кладовых. Долбят шахтеры породу кайлами, долбят кирками, а бадью для подъема на поверхность наполнить нечем. И вот сгребли последнюю горсть мелких осколков породы, бросили в бадью и думают: “Что же делать дальше? Как добраться до угля?”

Порода была тверже стали. К тому же на пути встретился огромный камень-дичак и не давал возможности проходчикам развернуться. Рассердился шахтер Иван, взмахнул киркой изо всей силы. А был он могучего сложения, закаленный в работе. Да как саданет по тому камню. Удар оказался настолько мощным, что из-под кирки вспыхнул яркий сноп искр, раздался сильный оглушительный звук, напоминающий раскаты весеннего грома. И пошел, покатился тот грозовой рокот под землей по всему Донбассу. В то же мгновение вокруг что-то затрещало, заскрежетало. И вдруг камень отвалился. Взору шахтеров предстало чудное сверкающее подземелье. Шахтеры оторопели. Смотрят и глазам не верят. Перед ними открылась подземная галерея, похожая на зал ледового дворца. Сверкая всеми цветами радуги, сверху лился яркий столб света. Многими своими гранями он отражался на полу и стенах, создавал невиданное зрелище, способное очаровать любого. Шахтеры медленно спустились вниз, осмотрелись, осторожно потрогали руками блестящие черные кристаллы стен подземелья.

Один проходчик с восхищением говорит:

- Смотри, какая красота! словно черное золото!

Другой тут же уточняет:

- Вот так штука! Это и есть каменный уголь. Какая радость!

В то же время из глубины зала повеяло легким ветерком, послышались мерные шаги. Откуда ни возьмись, перед ними предстало какое-то огромное существо. Вначале это было что-то расплывчатое, неясное, будто прозрачное облако. Затем оно стало сгущаться и приняло человеческий облик. Теперь перед ними стоял будто сказочный великан. Его огромный корпус, сильные мускулистые руки, мощные богатырские ноги словно были высечены из глыбы каменного угля. Приблизившись к пришельцам, он заговорил человеческим голосом, который эхом отдавался в подземелье.

- Я хозяин подземных кладовых. Извольте представиться: кто вы и зачем сюда пожаловали?

Шахтеры на мгновение растерялись. Но лишь на мгновение. Вспомнив правило, что природа покоряется только сильным, смелым да умелым, они снова обрели отвагу и уверенность. Один из них, Иван, сделал решительный шаг вперед.

- Мастеровой Липецкого металлургического завода, - гордо держа голову и направив взгляд на великана, представился он. - На реке Липеце добывал и плавил железную руду. Теперь по царскому уксу приехал на Донец каменный уголь добывать.

За ним шагнул вперед его напарник и бойко представился:

- Петр, из Олонецкой губернии. На Александровском заводе в Петрозаводске плавил железную руду и отливал пушки. А ныне мы с Иваном первые шахтеры Донбасса.

По всему было видно, что пришельцы понравились хозяину подземных кладовых. Он заговорил с ними просто, естественно, как с равными.

- Миллионы лет храню я эти подземные богатства. Не раз люди пытались взять их. Но не всякий удаивался такой чести. В одном случае уголь уходил глубоко под землю, исчезая бесследно. В другом – его заливало водой. Подземные кладовые накрепко запирались, ждали своего времени. Теперь тот час настал.

Подземный великан приблизился к шахтерам, пристально посмотрел им в глаза:

- Вы люди огненной профессии, сродни Прометею. Отважились вы на большие и славные дела. Давно я ждал таких. Надеюсь, вы по-хозяйски распорядитесь этим несметным богатством. Каменный уголь, как солнце, даст людям тепло и свет, принесет многим счастье. Я торжественно вручаю вам ключи от подземных кладовых. Храните их вечно. Открывайте ими богатства только для блага народа.

Великан зазвенел связкой золотых ключей, протянул их шахтерам. От ключей исходило такое сильное золотое сияние, что, как на солнце, невозможно было долго смотреть на них. А богатый мелодичный звон, исходивший от ключей, словно от тысячи волдайских колокольчиков, серебряным потоком поплыл по подземелью и медленно угас в угольных пластах. И молвил подземный великан:

- Пусть сии ключи как ценнейшая реликвия вечно хранятся на этом холме, который издревле звался Соколиными горами.

Шахтеры с великим энтузиазмом, трепетно приняли этот бесценный дар. Глубоко в их души запали слова великана, хозяина подземных кладовых. Они восприняли их как завет всем поколениям нарождающегося шахтерского племени.

Трудно даже представить, что пережили за эти минуты первые шахтеры Донбасса. Подземный великан вдохнул в них огромную силу, наполнил их великой энергией, дал заряд бодрости на многие, многие века. И пошел с тех пор из подземных кладовых Донбасса нескончаемый поток черного золота. А золотые ключи и по сю пору хранятся в Лисичьей балке.

СОВЕСТЬ

Говорят, пошел как-то лисичанский шахтер на прогулку. Дело было поздним вечером. Идет не спеша мимо памятника Капустину. Смотрит, а памятника нет. Голый постамент стоит. Даже табличка: "Григорий Капустин – первооткрыватель каменного угля в Донбассе", которую еще вчера можно было тут увидеть, отсутствует. "Что за черт? – подумал шахтер – Наваждение какое-то". Присмотрелся. А там, в глубине, что-то маячит, вроде, кто ходит. Боясь впасть в какую-нибудь неприятную историю, шахтер

быстро метнулся домой.

Случай этот целые сутки не давал ему покоя. Рассказать кому-нибудь не решался: не поверят. Подумают: рехнулся старик. Дождался следующего вечера. Пригласил на прогулку соседа. Рассудил: пойдем вдвоем. Может, мне и действительно показалось. Пусть сосед посмотрит.

Стемнело. Идут вдвоем тем же маршрутом. И снова та же картина. Стоит постамент. Фигуры нет. Шахтер спрашивает соседа:

- Ты видишь что-нибудь?

Тот остановился. Смотрит.

- А где же Капустин? – удивленный спросил он. Да так громко, что его могли услышать на расстоянии.

В тот же миг из темноты вышел среднего роста человек лет сорока. В длинной одежде старинного покроя, с бородкой.

- Я здесь, - спокойно ответил он.

- Простите, кто вы? – удивились шахтеры.

- Имею честь представиться: Грегорий, сын Грегория, по прозвищу Капустин.

Старые лисичанские шахтеры растерянно смотрят на него и глазам своим не верят. Вроде, и знаком им этот человек. Сколько раз видели на постаменте похожую гипсовую фигуру, покрытую под бронзу. А теперь вот она двигается и говорит, словно живой человек. Их такая оторопь взяла, что и слова вымолвить не могут.

- Не удивляйтесь, - говорит Капустин. – Пришло время объясниться. Надеюсь, простые шахтеры поймут меня. Вся трагедия в том, что вас обманули, а меня поставили здесь против моей воли в незнакомых местах на вечную каторгу. На земле много нечестных людей. От них страдают порядочные, доверчивые. Одних они обманывают, других обкрадывают.

Видя, что шахтеры внимательно слушают его, Капустин продолжал:

- В Донбассе мне не повезло дважды. Когда ездил в Кундрючьи городки, доверился быстринским кузнецам. А они, бестии, подвели. Поняв, что я не знал угля, вместо настоящего насыпали негорючего камня. Вот и вышел конфуз. Но это что?! Мелочи житейские! Кузнецов можно понять. Они боялись за свое будущее. А вот за что я тут стра-

даю, в Лисичанске, в незнакомом мне краю? Э-Эх! Знал бы кто, как тяжело мне! – глубоко вздохнув, Капустин продолжал.

- Нашлись лжеученые, которые объявили всему миру, будто я впервые открыл каменное уголье в Донбассе в 1721 году. А я здесь никогда и не был. Как в насмешку меня назвали первооткрывателем и поставили на этот холодный камень, - Капустин показал рукой на торчащий во мраке одинокий пьедестал.

- Как это ни печально, среди профессоров и академиков тоже встречаются люди невежественные и даже со склонностью к мошенничеству. Мне тяжело и больно носить чужую славу. Своя слава портит человека, а чужая убивает. Она гнетет, душит, давит, как холодная могильная плита. Еще тяжелее мне от сознания, что по воле нечестных людей я оказался сущим грабителем, отнял у Вепрейского и Чиркова честь первооткрывателей. Им стоять на этом пьедестале. А в открытии месторождения уголья здесь, в Лисичьей балке, первенство за Николаем Аврамовым. Ох, тяжело, братцы, тяжело мне!

Капустин умолк. Как всякий, кому удалось высказать наболевшее, чтобы очистить свою совесть, с облегчением вздохнул.

- Прощайте! Не теряю надежды, что с меня снимут пятно узурпатора и освободят от тяжелого бремени чужой славы, - тихо сказал он и шагнул в темноту.

Пораженные шахтеры долго еще стояли не шелохнувшись. Ни о чем не спросили они Капустина. Да и спрашивать было не о чем. Все и так стало ясно.

ПАМЯТНИК

Стоит в Луганске памятник. Новенький. Совсем недавно поставили. Но события воскрешает старые, дела давно минувших дней.

Шел 1794 год. Ранней весной приехал в Донбасс, который тогда и Донбассом еще не называли, Карл (Чарльз) Гаскойн. Англичанин (шотландец) по происхождению, российский подданный. Был он тогда директором Александровского, что в Петрозаводске, пушечного завода, управлял также Кончезерским чугуноплавильным. Приехал по

высочайшему поручению. Императрица Екатерина Вторая командировала.

Южный край в то время очень важное значение в политике России приобрел. И во внутренней, и во внешней. Во вновь присоединенных землях, Новороссией названных, и в Крыму хозяйство развивать нужно было. А тут турки реванш готовили, хотели снова все эти земли у России отобрать. Назревала новая война. Как тут быть? Как без оружия обойтись? Надо пушки отливать. И ядра к ним, снаряды, гранаты готовить. Новый Черноморский флот вооружать, береговую оборону укреплять. Черноморские порты и крепости – Севастополь, Таганрог, Херсон, Николаев, Одессу сделать неприступными. Следовательно, надо новый пушечный завод строить. Тут, на юге, в Донбассе, вблизи от Черного моря. А пушки те следует отливать не из меди, как это делали прежде, а из чугуна. Чугун дешевле, доступнее. А отливать следует по методу Корронского завода, что в Шотландии. На этом сам вице-адмирал Мордвинов, главный командир Черноморского флота настаивал. Такие пушки были надежнее медных, легче по весу. К тому же они превосходили медные по дальности и меткости стрельбы. А корронский метод – это метод, или как тогда говорили, метода, Карла Гаскойна. Не случайно в Донбасс прислали его самого, а не кого-нибудь другого.

Приехал Гаскойн в Донбасс. Понятно, перед этим с генерал-губернатором Зубовым, с Николаем Семеновичем Мордвиновым встретился. В Донбассе многие открытые каменноугольные и железорудные прииски осмотрел. С местными речками и балками ознакомился. Надо было воочию увидеть рельеф этой местности. Ведь будущий завод – это не только домны, воздушные печи и вагранки. Это – крупное гидротехническое сооружение. Главной двигательной силой должна стать вода. Вот и надо было найти такую воду, обуздать ее и заставить двигать заводские машины и механизмы.

Исходя из этих установок, Гаскойн избрал местом строительства завода нижнее течение Лугани, правый ее берег. Это была земля казенного села Вергунки. А на левой стороне речки стояло село Каменное, которое называли еще Каменным Бродом, или десятой Ротой

Составил Гаскойн проект строительства завода. Наметил, где канал прорыть, где шлюзы соорудить, мосты через канал, бассейн для запаса воды на летнее время. Где и какие заводские цеха разместить. Уголь для завода признал за лучшее добывать в Лисичьей балке. Хотя и далековато от завода – почти сто верст – но лучшего месторождения для начала каменноугольной разработки в крае не было. Это было уникальное месторождение. А железную руду признало было наивыгоднейше добывать возле села Городище. Проект Гаскойн передал генерал-губернатору Платону Зубову, а тот представил его Екатерине Второй.

И вот вышел указ от 14 ноября 1795 года, подписанный императрицей. Известен он под названием “Об устройении литейного завода в Донецком уезде при речке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля”. Документ этот стал знаменитым. Он развитие угольно-металлургического комплекса в Донбассе определил. И не только в Донецком бассейне, а и на Украине в целом. Начало промышленной разработке каменного угля в России положил. Ведь до 1795 года каменный уголь в России еще не добывали.

Пришла весна 1796 года. Над Луганью застучали топоры, запели пилы, заработали лопаты. Началось большое строительство, строительство завода. Сначала две кирпичные фабрики построили. Одну для производства огнеупорного, который шел на сооружение домны и обжигательных печей, другую для простого кирпича, шедшего на строительство заводских корпусов и жилья. Стали сооружать домну, плавильные печи, литейное производство и другие заводские объекты. Параллельно рыли каналы, строили шлюзы. Словом, в степи над Луганью, как в сказке, рос новый завод. Но не по мановению волшебной палочки, а по воле огромной массы людей, первыми среди которых были мастеровые из Петрозаводского и Липецких заводов. Назвали завод по имени речки Луганскам литейным. А директором назначили того же Карла Гаскойна. Он привез сюда двенадцать своих помощников, английских специалистов, которых тогда называли художниками. Они и руководили отдельными участками строительства.

Рядом с заводом появились особняки для английских специалистов, казармы для рабочих. Не дождавшись, пока

предоставят место в казармах, многие мастеровые стали сами строить себе дома и землянки. В 1805 году таких собственных домиков было 60, а землянок – 50. Так возник заводской поселок над Луганью, со временем выросший в крупный промышленный и культурный центр Донбасса – Луганск. Основателями его, как и первыми жителями, были все те же мастеровые, прибывшие из Александровского и Липецких заводов.

Новый город в крае. Первое металлургическое производство. Начало промышленной разработки каменного угля. Производство пушек, оснащение ими Черноморского флота и береговых крепостей. Все это и многое другое определило важную роль Луганского литейного завода. Высока тут доля заслуг и первого директора завода Карла Гаскойна. Обо всем этом теперь напоминает его бронзовый бюст, открытый в годовщину 200-летия Луганска на улице Шевченко, перед областным краеведческим музеем. Автор памятника скульптор А.А. Редькин, архитектор Г.Г. Головченко.

Хорошо, конечно, что вспомнили о первом директоре. А как же с рабочими, теми мастеровыми, которые первыми начали строить, первыми добывать, плавить, отливать? Ведь рабочие – главная производительная сила.

На территории Луганского станкостроительного завода, который унаследовал славу луганских металлургов, литейщиков, в год 200-летнего юбилея открыт памятник луганским литейщикам – первым металлургам Донбасса.

Памятник достойный. И скульптор – человек заслуженный, Н.В. Можаяев. На мраморном пьедестале гордо стоит литейщик с пушкой. Прототипом своего героя скульптор изобразил Федора Гаврилова, прибывшего на Лугань из Петрозаводска 25 апреля 1796 года. В формулярном списке о нем сказано: “Знает формовку и сверление пушек, писать и читать по-русски знает”.

Стоит на пьедестале первый литейщик Донбасса, гордо взирает на проходящих мимо потомков. А в сердцах современных рабочих рождается высокое чувство гордости за своих предшественников, первых металлургов Донбасса, основавших город над Луганью.

Стоит хороший памятник на территории завода. А лучше бы стоять ему за пределами заводской территории, на

одной из городских площадей, как и предлагал коллектив. Однако исполком Луганского Горсовета почему-то не проявил заинтересованности в памятнике. Доступ горожан и гостей к нему теперь сильно ограничен.

На Луганском станкостроительном предприятии вынашивается идея создать галерею скульптурных портретов замечательных выходцев из луганского литейного завода, имена и дела которых прославили отечественную науку, наш край... Эту добрую идею продвигают в жизнь известные энтузиасты и знатоки истории завода Ю.А. Темник и Ю.Я. Егерев, создавшие с помощью актива музей истории Луганского завода.

А вот современных горняков за отношение к своим предшественникам – первым шахтерам Донбасса никак не похвалишь. Но об этом речь впереди.

КОРНИ

Посадили на берегу Донца дерево. Долго-предолго росло оно – целых 200 лет. Выросло дерево большое-пребольшое – до самого неба. Крона его разрослась вширь по всему Донецкому бассейну, а вершина достигла столярного града Киева. Назвали его Шахтерским деревом. Пышно расцвело оно на донецкой земле шахтами и трестами, заводами и институтами, всякими там другими горняцкими объединениями и формированиями, а венчает его министерство.

Все это на поверхности, на глазах у всех. А вот корни – они невидимы. Потому их часто подрывают своим рылом некоторые существа. Их портят, заливают непотребными водами, не понимая, что так они уничтожат все дерево. А чаще всего про корни забывают вообще. В суете мирской, в заботах, пьянках и борьбе за власть забыли и про корни Шахтерского древа. Чтобы вспомнить о них, получить о них хоть какое-то представление, надо вернуться лет на 200 назад.

Скрипят нагруженные везы. Хлопают по лужицам копытами лошади. По весенней распутице едут на Лугань мастерские бывших Липецкого, Козминского и Боринского металлургических заводов. Едут – поспешают. Начальство торопит:

-Скорей, скорей. На Лугани начинается стройка. Закладывается первый в Донецком крае металлургический завод. По имени речки назвали его Луганским литейным.

За возами идут мастеровые. Так называли квалифицированных рабочих. Это была первая партия мастеровых из Липецка. Их много – 153 человека. Тимофей Бурлаков, Петр Ширяев, два Ивана Аксеновых – Иван Большой и Иван Меньший, Максим и Иван Черепанцевы, Тимофей и Григорий Ивонины, Степан Шебанов, Севастьян Ляпин, Иван Артемов, Архип Логунов... Идут и толкуют о том, о сем. Естественно, их волнует будущее. Как там на Лугани? Где будут жить? Не одни же они туда едут. Из Петрозаводска, слышали, на новый завод тоже людей посылают. Им зачитывали указ Екатерины Второй. А в том указе сказано:

“В число потребных мастеров для устройства литейного завода и исправления при оном разного рода мастерств, соизволяем Мы, чтобы из состоящих при Липецких заводах в Тамбовском наместничестве, остающихся там без употребления мастеров и работников, переведены были к учреждаемому в Донецком уезде заводу 300 человек с их семействами, какие по осмотру Гаскойна найдутся к тому способными; а сверх того для той же надобности и дабы скорее новоустроенный завод привести в надлежащее действие, взять из завода Александровского 100 человек разных мастеров с семьями же, знающих методы отливания Гаскойном чугуна и прочих железных вещей”.

- Мир велик, а люди, бывает, сходятся, - говорит Севастьян Ляпин. – Может, и мы встретим на новом месте добрых, а то и знакомых людей. Тех, которые несколько лет тому назад направили из Липецких заводов на Александровский. Может, кто-то из наших и на Лугань приедет.

- Туда много наших направляли. Есть и родственники мои, - поддержал его Архип Логунов, с надеждой встретиться с кем-нибудь из них.

Как ни поспешали липецкие металлурги, опередили их пушкари Александровского завода. Не близкое расстояние от Петрозаводска до Лугани. Выехали санным путем. На севере еще морозец держал. А когда в апреле прибыли на Лугань, здесь застали самый разгар весны. Солнышко при-

грело. Почки стали распускаться, травка зазеленела, птички защebetали.

Прибывших петрозаводских и липецких мастеровых расселили по квартирам в казенных селах Каменном Броде и Вергунке. Они первыми начали строить Луганский литейный завод, казармы да землянки для мастеровых. А когда построили воздушные печи да вагранки, а затем и домену, - стали они первыми литейщиками и доменщиками Донбасса. Отливали пушки и снаряды, разные другие металлические изделия. И при опытной домне работали. Железную руду на каменноугольном коксе плавил. Доменный процесс на Лугани предполагали вести на минеральном топливе. Впервые в России. До того в стране плавил руды исключительно на древесном угле.

Не все мастеровые остались на Лугани. Некоторым пришлось пойти в село Городище железную руду добывать, другим - в урочище Лисичью балку, что на правом берегу Донца, уголь ломать.

Идут будущие шахтеры Бахмутским шляхом. Идут день, идут второй. В конце второго дня достигли казенного села Верхнего, что в устье Верхней Беленькой. По номеру роты славяносербского полка Райко Депрерадовича, которая основала его в 1754 году, это село называли еще Третьей Ротой. Позади осталось 80 верст. До Лисичьей балки еще пять. Это земля крестьян села Верхнего. Там нет жилья. Все богатство урочища - залежи каменного угля, открытого Николаем Аврамовым.

Поселились в Верхнем, в домах крестьян. Конечно, временно. Ходили на работу в Лисичью балку. Пять верст - туда, пять - обратно. Под началом английского мастера Томаса Ропера, которого здесь звали Тимофеем, ломали уголь. Работа спорилась. Уже в апреле 1796 года выдали первую добычу. Шахта была неглубокой - 17 саженей. Значилась она под номером один. Потом рядом заложил вторую, третью... Сперва на руднике в Лисичьей балке действовало одновременно несколько небольших шахт. Только в тридцатые годы 19 века стали строить более глубокие шахты - Петропавловскую, Владимировскую, Митрофановскую..

Ох и трудная же доля выпала бывшим мастеровым петрозаводского и липецких заводов - быть первыми шахте-

рами Донбасса. Зато какая благородная, почетная! Быть первым – всегда почетно. Тем более, что они начинали промышленную разработку каменного угля в России. Следовательно, были первыми шахтерами не только Донбасса, но и Украины, всей тогдашней Российской империи.

Ходить на работу первым шахтерам было нелегко. В пять часов утра пять верст из Верхнего – в Лисичью балку, в восемь вечера – пять верст обратно. И так ежедневно. Такую нагрузку не всякий мог выдержать. Некоторые шахтеры стали строить себе землянки возле рудника. Казна тоже строила казармы, дома и землянки.

Адам Смит, возглавлявший угольный рудник после Томаса Ропера, в ноябре 1797 года писал директору завода Карлу Гаскойну: “Имею честь сообщить Вам, что 10 дней тому назад я перевел всех мастеровых из Третьей Роты в новые казармы в Лисичьем буераке...” В то время здесь было построено 10 новых казарм из дикого камня. Они были небольшими. Высота казармы равнялась 10 футам и 6 дюймам, длина – 24 футам, ширина – 14 футов. В казарме было 6 окошек и одна дверь.

Так на северном склоне Лисичьей балки возник первый шахтерский поселок Донбасса, – будущий город Лисичанск. Его заложили в 1795 году и строили сами первые шахтеры. В 1801 году в нем уже было 19 казенных домов и казарм, три казенные землянки, 8 собственных домов и землянок. В них проживало 556 человек – 162 мужчины, 149 женщин и 245 детей.

Прочные корни пустило шахтерское дерево.

Шло время. Минуло ровно 200 лет. Дата круглая. Праздновали большой юбилей, имеющий не только донбасское, всеукраинское, но теперь уже и международное значение. В Лисичанске собрались шахтерские лидеры со всей Украины. Во главе с Министром угольной промышленности. Понятно, выступали с речами, награждали и славословили друг друга, произносили всевозможные тосты. Говорили обо всем и обо всех – о ком нужно и не нужно. Только о первых шахтерах Донбасса забыли. Точнее, проигнорировали их. Отклонили предложение общественности установить памятный знак на бывшем лисичанском кладбище, где похоронены первые шахтеры Донбасса. Не разреши-

ли провести митинг в том месте, чтобы вспомнить добрым словом тех, кто первым спустился под землю, кто выдал нагора первые пуды и тонны угля. В день празднования юбилея не соизволили даже в память первых шахтеров Донбасса возложить к месту их захоронения букет цветов.

Горько и обидно было людям видеть и сознавать эту несправедливость, это чванство. Своими солеными слезами они тихо оросили священную землю тех мест, где начинался Донбасс. И не померкла слава первых шахтеров Донбасса, недосыгаемо высока их честь.

Но корни требуют свеженькой водички. Не полили их шахтерские лидеры. И стали засыхать ветви Шахтерского древа. Многие шахты прекратили работу. Перестали выплачивать шахтерам зарплату, десятки шахт обречены на ликвидацию. В шахтерский край пришла большая беда. Усилилась метушня и в коридорах власти. Лидеры сменяют друг друга, не успев нагреть место. Среди них, конечно, есть разные.

Что же касается лидеров с короткой памятью и зашоренными глазами, то о них можно сказать одно: лидеры приходят и уходят, а шахтеры остаются. Они, шахтеры, действительные наследники горняцкой славы, по достоинству оценят роль своих героических предшественников – первых шахтеров Донбасса, основателей первого шахтерского поселения на Украине – города Лисичанска. Будет им и памятный знак на их священной могиле. А в день профессионального праздника шахтеров станет традицией возлагать к нему живые цветы.

КАК ГОРОД СЛАВЯНОСЕРБСК ПЕРЕМЕСТИЛСЯ С БЕРЕГА ЛУГАНИ НА СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

Не правда ли, любопытно? Словно в волшебной сказке. Вроде, был город Славяносербск на Лугани. И вдруг он оказался на берегу Северского Донца. Удивительно? Но в жизни, как говорят, всякое бывает. А произошло вот что.

С 1784 года существовал Донецкий уезд, образованный Екатериной Второй из части Бахмутского уезда. Центром его сделали бывшее село Подгорное, преобразовав его в

уездный город Донецк. Составили план нового города Донецка. В центре города предусматривалась восьмигранная площадь, от которой в радиальных направлениях отходило 8 улиц. В тексте, сопровождавшем план, было сказано: “Сей город полагается вновь устроить по правую сторону реки Северского Донца на возвышенном, просторном и ровном месте при казенном селе Подгорном, воспринявшем начало своего поселения в 1754 году по высочайшей привилегии, пожалованной славяносербскому народу”. Площадь земли уезда составляла 572357 десятин, в том числе 489020 десятин удобной и 83337 десятин неудобной земли. Кроме города Донецка, в уезд входило 13 сел и 83 деревни с общим числом жителей 39337 человек, в том числе 20778 мужских душ.

Недолго, однако, просуществовал город Донецк, еще меньше – Донецкий уезд. После смерти Екатерины II ее сын, новый император Павел I, ненавидевший свою мать, ретиво взялся отменять ее нововведения. Уже в 1797 году ликвидировал он и Донецкий уезд, вновь присоединив его к Бахмутскому. Упразднить, конечно, не сложно. Одна подпись под указом – и дело сделано. Только на пользу ли оно? Об этом не подумали. А вскоре стало ясно: такое решение необоснованное, уезд все-таки нужен. И после смерти Павла, уже при Александре I, он был восстановлен. Но не под прежним, а под новым именем. Назвали уезд Славяносербским, в память бывшей Славяносербии и славяносербских гусар, которые обороняли и первыми с середины 18 века осваивали этот край.

Уездным центром решили сделать новый город Славяносербск. Именно новый город, а не село Каменный Брод, как предполагали некоторые авторы. Новый центр уезда под названием Славяносербск планировали построить на левом берегу Лугани, восточнее Каменного Брода, за излучиной реки. Архитектор разработал план города Славяносербска. 11 февраля 1808 года план утвердил император. Под планом он собственноручно написал: “Быть по сему. Александр.”

По этому плану в городе предполагалось построить 30 кварталов с тремя площадями. На центральной городской площади намечалось возведение церкви, торговых (гостиных) и мелочного рядов. Предусматривалось строительство

зданий уездной администрации, острога. Далее оставлялись места для построек частных жителей – купцов, мещан, разnochинцев. Здания предполагалось строить деревянные.

Но Славяносербску – на – Лугани не повезло. Он так и не был построен. Утвержденный царем план остался на бумаге. Причина – сильное наводнение. Случилось оно весной 1809 года. Интенсивное таяние снегов вызвало небывалый разлив рек. Херсонский военный губернатор Дюк де Ришелье доносил императору: “Сверх наводнения в городах Новомосковске, Павлограде и Бахмуте, о коем объяснялся я за вторую половину марта, случилось оное в городе Славяносербске. 21 марта бывший через реку Лугань мост разнесло до основания, а 23 затопило там же поселенских домов двадцать шесть, у одиночных из них размыты печи, присбы и разнесена ограда. Подмыт и разнесен винного откупщика подвал и затопило все назначенное по плану для застройки города место”.

Император отреагировал быстро. Министр внутренних дел России писал губернатору: “Ознакомившись с донесением, царь изволил сообщить, чтобы избрано было другое какое-либо место для города, не подверженное наводнению”.

Как видно, город Славяносербск в реальности не существовал, хотя был составлен план его застройки и избрано для него место. По плану не было возведено ни одного здания. Теперь же он лишался и избранного места застройки. Словно сказочный, город Славяносербск остался существовать только в воображении людей. В то же время Славяносербский уезд продолжал функционировать. Его органы управления, или, как тогда говорили, присутственные места, временно размещались в домах обывателей села Каменного Брода, взятых казной в аренду. Статус же казенного села Каменного Брода оставался неизменным.

Встал вопрос: где целесообразнее разместить уездный центр? Екатеринославский губернатор предложил предводителю уездного дворянства помещику Сабо, а также земскому исправнику и городничему запросить казенные селения и горожан: согласны ли они на перевод города Славяносербска в заштатный город Донецк? Единства мнений не было? Одни предлагали центром уезда сделать селение Луганского литейного завода, другие – казенное село Го-

родище. Большинство же поддержало перевод уездного центра в Донецк.

Не сразу была решена эта проблема. Как всегда, на пути возникали различные препятствия. План города Донецка, составленный в середине 80-х годов 18 столетия, остался неосуществленным. К тому же он где-то затерялся. Пришлось заново его разрабатывать. Пока шли поиски и переписка, изменилась обстановка в стране. Началось нашествие Наполеона на Россию. Отечественная война 1812 года снова отодвинула решение этого вопроса.

Только 27 ноября 1817 года Комитет Министров заслушал записку Санкт-Петербургского генерал-губернатора о переводе города Славяносербска в Донецк и об утверждении плана г. Донецка. В принятом решении было сказано: "Город Славяносербск перевести в Донецк, переименовав сей последний в Славяносербск, и составленный оному план поднести на высочайшее утверждение и вместе с тем представить проект указа". Подписанный императором указ Правительствующему сенату гласил: "По местному неудобству города Славяносербска Екатеринославской губернии, подверженного наводнениям, повеливаю перевести оный город в Донецк той же губернии, переименовав сей последний в Славяносербск. Александр."

Так город Славяносербск с берега Лугани, где он так и не был построен, как в сказке, перекочевал на Северский Донец, где существует и по сей день. Правда, титула уездного центра лишился он еще в 1882 году, в связи с переводом уезда в Луганск. Ныне же он именуется поселением городского типа, центром Славяносербского района Луганской области.

КАЗАК ЛУГАНСКИЙ

Владимир Иванович Даль, Казак Луганский, как звали его теперь по известному псевдониму, был занят обычным своим делом по составлению Толкового словаря живого великорусского языка, когда принесли письмо.

- От губернатора, - сказано было кратко.

Даль и сам видел, что письмо не простое. Сразу же открыл, быстро пробежал текст глазами. Потом вернулся к началу, стал читать внимательно. И чем дальше читал, тем

больше хмурились его густые щетинистые брови, из-под которых сверкали небольшие пронизательные глаза.

Губернатор, видно, хотел порадовать, сообщая, что представил его к ордену, очередному чину и денежной награде. А Казаку Луганскому не понравилось это, даже раздражало. Он резко отложил письмо в сторону, задумался, а потом встал, начал ходить по кабинету. Его высокая сухая фигура в коричневом суконном халате, прихваченном у пояса, быстро перемещалась из угла в угол. Затем он так же быстро сел за стол. Длинная, худая рука потянулась к письму. “Нет, не годится так,- думал он. – Раз сообщение письменное, то и ответ должно дать на бумаге”. Он взял чистый лист, стал писать. После официального обращения к высокопоставленному лицу на бумагу ложились строки, касающиеся существа вопроса:

“Во-первых, - писал В.И. Даль, - мне кажется, что это не идет и будет некстати. Во-вторых, ордена и чина мне дать невозможно; их надовали мне и так не в меру. В-третьих, и то и другое мне всегда было в тягость, а не в радость; особенно охотно сложил бы я с себя последний чин и звезду, которая пристала мне, как ... пословица вам известна. Остается денежная награда, но денег мы и так получаем много, и надо в этом отношении совесть знать; к тому же у вас нет на это казны, а из чужого кармана, кажется, просить наград нельзя. Наконец, в доказательство искренности моей, выскажу и лишнюю правду: вы представляете к наградам за отличие в числе прочих таких людей, что я бы считал первым для себя отличием не быть отличаемому с ними вместе. Чтобы сторонние не сочли меня за такого же негодяя...”

Письмо лишний раз подтвердило, что высокие человеческие качества настоящего казака – честь, совесть и правда были от рождения присущи уроженцу Луганска, славному сыну Донбасса Владимиру Ивановичу Далю. Недавно он называл себя Казаком Луганским.

КАК ВОЗНИК И ИСЧЕЗ С КАРТЫ ДОНБАССА ГОРОДОК ДОНСКИХ КАЗАКОВ НОВОЕ БОРОВСКОЕ

История загадала человечеству множество загадок – и больших и маленьких – от легендарной Трои и Атлантиды до городка донских казаков Нового Боровского. О древней Трое благодаря Г. Шлиману и другим археологам теперь известно едва ли не каждому школьнику. Широко освещается и проблема Атлантиды. А вот о существовании в пределах Донбасса городка донских казаков Нового Боровского мало кто знал в нашем крае.

В документах о Булавинском восстании, с начала которого в 1997 году исполнилось 290 лет, неоднократно упоминаются городки донских казаков Старое Боровское и Новое Боровское. В “Отписке полковника И. Тевяшова об убийстве князя Долгорукого и о присоединении верховых городков к восставшим” сообщается, что 12 октября 1707 года атаман Старого Боровского городка со своей станицей встретили Булавина с хлебом, вином и с медом и приняли в станичную избу. Далее в документе сказано: “А пойдут они (булавинцы) по казачьим городкам в Новое Боровское, в Краснянск, на Сухорев, на Кабанье, на Меловой брод, на Сватовы Лучки, на Бахмут”.

В том же документе снова упоминаются Старый и Новый Боровские городки: “А передались ему, Булавину, их казачьи городки по Донцу: Трехизбенской, да Старое и Новое Боровское, да Новый Ойдар, Шульгин, Белянск, и пошли с ними ж”.

Возникает вопрос: где же располагались казачьи городки Старое и Новое Боровское? Для многих это было загадкой. Некоторые авторы, не утруждая себя поиском архивных документов, пытались разгадать ее по собственному разумению. Например, авторы очерка о Боровском, опубликованного в “Истории городов и сел Украинской ССР. Ворошиловградская область” 1976 г., пишут, будто в начале Боровской городок располагался на самом берегу реки Донца. Но поскольку во время весенних паводков вода затопляла жилища, часть жителей перенесла свои избы на

более высокое место в двух верстах от Северского Донца. Так, по их мнению, возник Новый Боровской городок, а за прежним закрепилось название Старого Боровского (стр. 372). Это предположение, однако, не имеет под собой почвы.

Свое сомнение на этот счет мне пришлось высказать одному из авторов названного очерка еще при подготовке тома к изданию. В дальнейшем, бывая в архивах, я пытался найти ответ на этот вопрос. В конце концов архивные документы помогли разгадать эту загадку.

Прежде всего - о времени основания Боровских городков. Старый Боровской городок, или нынешнее Боровское, основан в 1677 году. Новый Боровской городок, как следует из отписки Тевяшова, осенью 1707 года уже существовал. Более ранних упоминаний о нем не обнаружено, хотя власти обследовали этот регион с целью выявления новых поселений. Поэтому за время основания Нового Боровского городка можно принять 1707 год. Где же он располагался и почему исчез с карты Донбасса?

Как свидетельствуют документы, Новый Боровской городок был основан выходцами из Боровского. Они поселились на речке Боровой, которую часто называли Боровенькой. По имени речки и поселение получило имя Боровеньки. Следовательно, Новый Боровской городок находился на расстоянии 20-25 километров от Боровского, которое в то время стали называть Старым Боровским городком.

Метаморфоза Нового Боровского городка объясняется бурными событиями того времени в нашем крае. После подавления Булавинского восстания карательный отряд князя Долгорукого учинил жестокую расправу над участниками восстания. Наиболее активные из них после жестоких пыток были казнены, другие сосланы на каторжные работы в Азов, в том числе 25 жителей Боровского. Многие же, конечно, разбежались, скрывшись в лесах и балках. Земли разоренных городков передавались другим ведомствам.

Как правило, городки донских казаков возникали на неудобных землях в труднодоступных местах. На эти земли мало было претендентов. А вот завладеть богатыми землями Нового Боровского городка нашлись желающие.

Императорским указом от 5 июля 1709 года объявлялось о передаче их Святогорскому Успенскому монастырю. Однако самого указа или выписки из него монастырь не получил. В дело вмешался азовский губернатор Толстой. Тем же указом в распоряжение губернатора передавались земли Трехизбенского городка. Однако почвы там были мало пригодными для обработки. И губернатор обратился к царю с челобитной, в которой просил отдать ему для поселения крестьян земли Нового Боровского городка. В 1710 году он получил такой указ.

Для отмежевания земли губернатор послал из Таганрога в Новый Боровской городок дворянина Спесивцева. Но ему не довелось выполнить поручение. В 1711 году по Прутскому миру между Россией и Турцией Россия обязалась отдать Турции Азов, а вновь построенные крепости Таганрог, Каменный Затон и Богородицк срыть. К тому же и сам Спесивцев вскоре умер, а у губернатора появились новые проблемы. Ему уже было не до земель Нового Боровского городка.

Прошло лет десять. В 1725 году архимандрит Святогорского Успенского монастыря, не теряя надежды, обратился с устной жалобой к коменданту Бахмута Львову. Он сообщал, что “боровские жители на их новоборовской земле за межевыми гранями построили хутора и распашными их землями и сенными покосами владеют”. По жалобе архимандрита Бахмутская провинциальная канцелярия в 1726 году послала туда управителя Старого Боровского городка Поликарпа Сыромятина. Сыромятин обмежевал земли и объявил жителям Нового Боровского юрту, чтобы они “в том юрту не жили и угожьями его не владели”.

Так землями Нового Боровского городка завладел Святогорский монастырь. Неизвестно, ушли с этих земель выходцы из Боровского, или кто-то остался и перешел в подданство монастыря. Но вскоре здесь были поселены украинцы, или как тогда говорили, малороссияне, а поселение названо Боровеньками (по имени речки).

Недолго, однако, владел монастырь землями Нового Боровского городка. По указу 1764 года о секуляризации церковных земельвладений, Боровеньки, как и другие монастырские владения, перешли в ведомство Экономической коллегии, стали государственными.

В 1774 году в этих краях путешествовал академик Петербургской академии наук И.А. Гильденшдт. В своей книге “Путешествие по России и Кавказским горам” он упоминал и о Боровеньках. “Обе эти слободы, - писал он, имея ввиду Боровеньки и Мостки, - населены малороссиянами и некогда принадлежали монастырю. Теперь же отобраны в казну и причислены к Бахмутскому округу. Обими ведет гусарский ротмистр, живущий в Боровеньке”.

Так возник и закончил свое существование городок донских казаков Новое Боровское.

ШАХТНЫЙ ДОМОВОЙ

Есть в Донбассе городок Соледар. Городок небольшой, но известен он далеко за пределами края. Служба у него знатная – соль дарить людям. Добывают соль тут каменную, кристаллическую в рудниках на глубине 200-400 метров.

Еще тогда, когда и городка нынешнего не было, а существовал лишь небольшой поселок соледобытчиков, здесь действовал соляной рудник. На том руднике работал разный пришлый люд, приходивший сюда, в Бахмутский уезд, на заработки. Были тут работники из украинских и российских губерний. Среди них и шахтер с Волги Игнат Шубин.

Игнат был молодым крестьянским парнем богатырского роста, прекрасного спортивного телосложения. Его атлетическая фигура, светлорусый чуб, голубые глаза привлекали с первого взгляда. Понятно, что с интересом заглядывались на него дивчата. Но его сердце принадлежало одной. Звали ее Христиной, а работала она откатчицей. И Христина очень любила Игната. Словом, дело уже шло к свадьбе.

- Скоро, скоро придет солнышко и к нашим окошечкам, - говорил ей Игнат.

- Твоими бы, милый, устами, да мед пить, - отвечала ему радостная Христина. И в знак согласия уста их слились в горячем поцелуе.

Но случилось так, как в той народной поговорке: “Хотел ехать дале, да кони стали”. Не успели нарадоваться своему счастью, как постигло их большое горе. Несчастный случай в руднике унес Христину. Виновным в ее гибели

признали шахтовладельца. В отчаянии Игнат убил его, а сам бросился в шурф, решив навеки остаться с любимой.

В память о волжском богатыре Игнате Шубине, навсегда оставшимся верным своей любви, местный скульптор вырубил из глыбы соли его скульптуру. С тех пор, говорят, Игнат стал вроде шахтного домового. Люди часто видят, как бродит он в темных штреках и забоях подземелья, возможно, ищет Христину.

ДВАЖДЫ РАССТРЕЛЯННЫЙ

Красная армия разгромила петлюровцев на реке Збруч. Остатки армии Петлюры уходили на территорию Польши. Перед казаком бывшего 3-го гайдамацкого полка Владимиром Сосюрой встала проблема: куда податься? Пойти вместе с другими в чужую страну или вернуться домой? Вспоминались родной запыленный Донбасс, любимая Третья Рота. И сердце заныло по родине. Решил: пойду домой. Мама обрадуется своему Володьке. На мне шинель хорошая и синее галифе почти новые. Правильно решил: в чужой земле, как в клетке, соловей не поет.

Оторвался незаметно от своих. Шагнул в поле. Чуть погодя осмотрелся. Никто не обратил на него внимания. Воткнул винтовку штыком в пахоту: отвоевался. И пошел не оглядываясь.

Идет-бредет бывший казак-петлюровец через всю Украину с запада на восток. Вот и Донбасс, скоро Третья Рота. Тут все до боли знакомо. И его многие знают. Навстречу – разъезд конный. “Может, знакомые? – думает. Но вместо приветствия земляков услышал грозную команду:

- Стой! Руки вверх!

Пришлось выполнить команду. Не до шуток тут.

- Оружие есть?

Кроме карандаша, другого оружия не имею.

- Петлюровец?

Только теперь Владимир Сосюра понял, почему так строго с ним обращаются красные. Он же в петлюровской военной форме.

- Придется пойти с нами, - сказал старший разъезда. – Там проверят, разберутся.

Доставили Володьку в хату, что стояла на окраине ху-

тора. А в хате той не блины его ждали. Там военный трибунал красных войск заседал. И решения его были строги: "Расстрел. Обжалованию не подлежит".

Привели конвоиры петлюровца Сосюру на суд. "Ну, - думает, - отсюда прямая дорога в царство Аида". Смотрит, а в глазах все расплывается. Кто-то сидит за столом, кто-то ходит... А кто - он уже не различает. Вдруг слышит:

- Володька! Как это ты к петлюровцам попал?

Но до него и смысл слов уже не доходит. Как перед смертью молитву, он вместо ответа стал читать свои стихи. Читает о Третьей Роте, о том, как до дивчат на гору ходил в Лисичье, о тяжелой жизни простых людей. Немного успокоился. Присмотрелся. Видит: суровые лица людей, сидящих за столом, потеплели. А председательствующий даже улыбается: "Кто же это? Что-то очень знакомое в его лице. Да это же Павка Евсеев. Уже чуть не бросился обнимать: "Павка, родной! Помнишь, как вместе на "Донсоде" кружок комсомольский посещали? Сколько лет, сколько зим!.." Но время не то. Между ними стена. Они по разную сторону баррикад. Один большевик, другой петлюровец. Один судья, другой подсудимый.

А председатель сразу же узнал своего земляка и друга детства Володьку Сосюру. Вспомнил 17-й год. Володька и тогда любую встречу начинал с чтения своих стихов. Всех увлекал, заставлял слушать. Читали его стихи и в газете Лисичанского районного Совета рабочих и солдатский депутатов "Голос рабочего". Да и какой же поэт без слушателей, какой же поэт без читателей?

Слушал председатель ревтрибунала стихи Сосюры и думал: "Милый Володька! Да какой же ты вояка? Какой же ты петлюровец? Ты - истинный поэт, свой парень из простого народа. Ты - наш поэт".

С каждым новым стихотворением добрыми чувствами к пленнику проникались и конвоиры. И все члены ревтрибунала. Видя это, председатель обращается к ним с вопросом:

Так что же делать с петлюровцем Сосюрой?

Один из конвоиров поставил свою винтовку в угол к стене, вдруг обнял Сосюру и просит председателя ревтрибунала:

- Зачислите его к нам в Красную Армию. Он наш...

Все единодушно поддержали его.

Так Владимир Сосюра стал красноармейцем. Только после этого Павел Васильевич Евсеев, председатель ревтрибунала, рассказал присутствующим, что Сосюра его земляк из Третьей Роты, что они были друзьями детства, хотя и был он старше Володьки года на два.

Первый расстрел Сосюры, как в сказке, закончился торжеством справедливости. Но предстояли новые испытания.

В красном полку Сосюра воевал честно, добросовестно. Как знающего этот край его часто посылали в разведку в деникинский тыл. Вот и в этот раз пошли они в разведку втроем. Уже и задание, считай, выполнили, как – откуда ни возьмись – конный разъезд белых. Быстро окружили деникинцы красных разведчиков.

- Бросай оружие! - кричат.

Что делать? Сила солому ломит. Пришлось выполнить команду врагов. А у тех разговор короткий. Поймали с оружием – становись к стенке. Без суда и следствия – расстрел.

Поставили деникинцы красных разведчиков над ближайшим рвом. Навели винтовки. Два разведчика встали на колени, просят у врага пощады.

-Негоже так, хлопцы. Встаньте! – говорит им Сосюра. – Честь дороже жизни. Слава и под землей найдет доброго солдата.

Послушались красноармейцы Сосюру. Встали все втроем в ряд. Готовые мужественно принять смерть. Враг был жесток и неумолим. Прозвучали залпы. Все трое упали в ров. Минуту – две постояв, белые поехали.

Эту жуткую картину расстрела издали наблюдала женщина из соседнего села. Когда стало смеркаться, она подошла к месту расстрела. Видит: все трое лежат недвижимо. Дотронулась до одного – уже холодный. До другого – тоже. Рука третьего оказалась теплой. Живой! Им оказался Сосюра. Побежала женщина в село, разыскала местного старика-фельдшера, знакомых мужчин. Приехали на лошадке, тайком забрали бойца. Стали выхаживать.

Деникинцы делали свое черное дело наверняка. Стреляли английскими разрывными пулями “дум-дум”. Но доброе сердце поэта оказалось неподвластно и этому смертоносному оружию. Не задев сердца, пуля прошла навывлет

и разорвалась только на выходе. На груди на всю жизнь остался огромный огненный след.

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ

Давным-давно это было. В селе Верхнем, оно же Третья Рота, что на правом берегу Северского Донца, в многолетней семье Николая Сюсюры жил смуглявый мальчик по имени Володя. Семья была бедной-пребедной. Восемь душ детей – мал-мала меньше, восемь желторотых птенцов с раннего утра открывали свои прожорливые роты, а положить в них было нечего. Понятно, одеться-обуться тоже не во что было. Одна пара потрепанных ботинок неизвестного происхождения – на троих. А если кому из братьев или сестричек приходилось в холодное время выйти на улицу, по очереди надевали старую мамину кофту.

О хате – и говорить нечего. Не хата – одно название. Жили в крохотной, подаренной сельским обществом хатенке, сделанной из хвороста и обмазанной глиной. Звали ее хворостянкой.

Не умолчать здесь и об отце Володи. Доморощенный поэт и философ со своим видением мира, постоянный ходатай по делам сельчан, Николай Владимирович временами служил то волостным писарем, то сельским учителем. А чаще всего был не у дел. Губила его одна человеческая слабость – пристрастие к водке. Нигде подолгу не задерживался он. Постоянно колесил по городам и весям в поисках новой работы.

От природы Володя был способным мальчиком. Но в школу пойти не мог. Нечего было одеть-обуть, да и плата за обучение требовалась. Уже переростком, подготовленный отцом, пошел он сразу в третий класс.

Сидит Володя за партой. Впереди – светловолосая девочка Лиза Михайленко. Открыла свою сумку, достала румяные пирожки. У Володи глаза расширились, яркими огоньками загорелись, словно у кошки, увидевшей ночью мыш. Глотает он слюнки. “Вот бы, - думает, - хоть раз куснуть”. И не удержался, громко воскликнул:

- Ах, какие красивые пирожки, наверное, очень вкусные?
- Хочешь, Вова, отведать?

Повернувшись, Лиза положила на его парту пару зажа-

ренных пирожков.

Обрадовался Володя. Мигом проглотил их, облизал пальчики да и похваливает и пирожки, и юную хозяйку. Очень это польстило Лизе. С тех пор ежедневно стала она приносить пирожки и на его долю. А зачастую к пирожкам прихватывала еще что-либо вкусенькое. Она ведь знала: Володя приходит в школу голодный.

Как-то вдруг Володя в школу не пришел. Нет его день, нет другой. Заволновались ребята. Они уже успели сдружиться с ним. После уроков Лиза Михайленко, Вера Драгныш и Аня Пяткова пошли к Володе домой. Заходят в хворостянку – Володя лежит на печи. На улице похолодало, а ему нечего ни одеть, ни обуть. Вернулись девочки домой, рассказали родителям. А назавтра принесли Володе пальтишко, ботинки и еще кое-что из одежды. И стал он снова ходить в школу. Лиза, конечно, не забывала приносить ему вкусные пирожки.

Говорят, на добро отзываются добром. Все вскоре стали замечать: где Лиза, там и Володя; где Володя, там и Лиза. А когда пришла весна и все вдруг зазеленело, буйно расцвело, а лес наполнился птичьим гомоном, - детей потянуло к Дону. Вдвоем им всегда было хорошо. Идут и молчат. Впереди Лиза, за ней Володя. А душа до краев переполнена радостным детским чувством. Их везде сопровождал весенний смеющийся трепет листвы. Деревца и кустики, глядя на них, весело улыбались. Бывало, молчит, молчит Володя, глядя на чарующий Донец, на его голубые волны и зеленые, изумрудные берега, да привлечет внимание Лизы к чему-нибудь интересному, необычному.

- Погляди-ка, Лизонька, какая красивая травушка-муравушка.

Или:

- Видишь ли ты, какой золотой лучик сквозь листву пробивается?

А то поймал как-то на лугу красивого зеленого жучка и радостно бежит к Лизе:

- Изумруд! Изумруд! Хочешь взглянуть?

Все ему виделось в золотом и серебряном сиянии. Лучик солнца у него был золотым, жучок – изумрудным, роса – серебряной. Его детские мечты звенели, как натянутые струны. Уже тогда в его душе зарождались золотые зерна по-

эзии, мелодичная музыка стиха. И кто знает, может, именно тогда детскими впечатлениями навеяны его прекрасные строки:

Щебечуть птиці, вітер лине,
Немов дитинства дальні дні,
і кожна квітка, і стеблина
до тебе тягнуться в півсні.
Зелений день, степи шовкові,
І даль, що квітами буя,
І птичий щебет у дуброві...
Це ти, о юносте моя!
Обабіч довгої дороги
І жита шум і шелест крил.
Мої смугляві босі ноги
Топтали там горячий пил.

Но вот о дружбе Лизы и Володи дознались Лизины родители.

- Нам только этого не хватало, - с укором сказала ей мама. - Еле-эле выбились в люди, а ты позоришь нас, якаясь с этим голодранцем.

- Мама, он очень хороший, интересный мальчик. Не такой, как все, - пыталась объяснить Лиза.

- Он тебе не ровня, дочка, - вмешался отец. - У нас сто десятин лучшей в селе земли, а у его родителей - ни клочка. У нас новый дом из красного кирпича, а их хворостянку все ветры насквозь продувают.

Лиза - в слезы. Это ее единственное оружие защиты. Не помогло.

Давным-давно это было. Лет сто прошло с тех пор. Заметно изменился мир. Бурные потоки жизни, словно в кипящем котле, все перемешали. Кто был внизу, всплыл наверх. Верхних стихия сбросила вниз. В горниле великих испытаний шло перемещение и в горизонтальной плоскости. Одни - попали на восток, другие оказались на западе.

Канула в Лету и Лиза со своими родителями. А на земле, приобретенной ими путем темных сделок, верхнянские жители в тридцатых годах посадили большой фруктовый сад.

Не по воле доброго волшебника, а в силу общественных факторов, сложного труда и таланта неузнаваемо преобразилась и судьба смуглявого мальчика из Третьей Роты.

Володя Сюзюра стал выдающимся украинским поэтом Владимиром Николаевичем Сосюрой.

Кстати, о фамилии. В свое время самому Сталину писал он, что его настоящая фамилия Сюзюра, а Сосюра – псевдоним.

Его светлые искрящиеся слова отлились в строки золотой поэзии Украины. Золотыми россыпями сверкают они во всех уголках нашей необъятной планеты Земля. Серебряным звоном летят из края в край веселые и грустные романсы и песни на его стихи.

Шахты и рудники Донбасса

Содержание

ОБ АВТОРЕ	3
НА ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ	
<i>Андрей МЕДВЕДЕНКО, член союза писателей Украины.</i>	5
СИМВОЛЫ ТРУДА И ДОСТАТКА	6
ТАЙНА РЕКИ КАЯЛЫ	6
НАЧАЛО И КОНЕЦ	9
САУР-МОГИЛА	11
ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ТОР	15
СКАЗ О РОЖДЕНИИ БАХМУТА	17
ЛЕГЕНДА О ГОРЮЧЕМ КАМНЕ	22
СКАЗАНИЕ О ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯХ	25
КАК БЫСТРЯНСКИЕ КУЗНЕЦЫ	
КАПУСТИНА ПОДКУЗЬМИЛИ	31
ОСАДЧИЙ МИХАЙЛО ЧЕБОТАРЕВ	37
ВЕЧНЫЙ ЖИТЕЛЬ СЕЛА	38
КАК ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА	
В ХОРУНЖИЕ ПРОИЗВЕЛИ	40
РАЙ ЗЕМНОЙ В ДОНБАССЕ	42
КАК ОТКРЫЛИ УГОЛЬ В ЛИСИЧЬЕЙ БАЛКЕ	43
КЛЮЧИ ОТ ПОДЗЕМНЫХ КЛАДОВЫХ	46
СОВЕСТЬ	48
ПАМЯТНИК	50
КОРНИ	54
КАК ГОРОД СЛАВЯНОСЕРЬСК ПЕРЕМЕСТИЛСЯ С	
БЕРЕГА ЛУГАНИ НА СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ	58
КАЗАК ЛУГАНСКИЙ	61
КАК ВОЗНИК И ИСЧЕЗ С КАРТЫ ДОНБАССА	
ГОРОДОК ДОНСКИХ КАЗАКОВ НОВОЕ БОРОВСКОЕ ...	63
ШАХТНЫЙ ДОМОВОЙ	66
ДВАЖДЫ РАССТРЕЛЯННЫЙ	67
ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ	70

Подов В.И.

П 44 Легенды и были Донбасса. – Луганск, Світлиця, 1998. 76 с. портр.

ISBN 966-534-141-3

В.И. ПОДОВИМ издано много книг по истории Донбасса. Но эта – необычная. Написанная в поэтической форме легенд и былей, она позволяет познакомить читателя с важнейшими событиями и фактами истории Донецкого бассейна, его интересными людьми, привлечь внимание к прошлому и настоящему легендарного шахтерского края.

Рассчитана на учащихся и студентов. Будет полезна всем, кто интересуется историей Донбасса.

П $\frac{1805080000 - 291}{98}$ Без объявл. ББК 63(4-Ук.)

Содержание

Подоб В.И. Иванович - Луганск, Украина - 1998. 36 с. ил.

ОБ АВТОРЕ	3
НА ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕКРЕСТЬЯХ	5
Художественно-документальное издание	
СИМВОЛЫ ТРУДА И ДОСТАТКА	6
ТАИНА РЕКИ КАЯЛЫ	6
ПОДОВ	
Владимир Иванович	
ЛЕГЕНДЫ	
И БЫЛИ ДОНБАССА	
КАК БЫСТРИНСКИЕ КУЗЬМЫ	31
КАПУСТИНА ПОД	31
ОСАДЧИЙ МИХАЙЛО ЧЕБОТАРЕВ	37
ВЕЧНЫЙ ЖИТЕЛЬ СЫЛА	38
КАК ЕМЕЛЯНА ПУТА ЧЕВА	38
В ХОРУЖКИЕ ПРОИЗВЕЛИ	40
РАЙ ЗЕМНОЙ В ДОНБАССЕ	42
КАК ОТКРЫЛИ УГОЛЬ В ЛИСИЧЬЕЙ БАЛКЕ	43
КЛЮЧИ ОТ ПОДЗЕМНЫХ КОВАДОВЫХ	46
СОВЕСТЬ	48
ПАМЯТНИК	50
КОРНИ	54

Сдано в набор 2.07.98. Подписано в печать 10.08.98.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать RISO.

Уч.-изд.л. 3,42. Усл.-печ.л. 3,23. Тираж 2000.

Издательство "Світлиця". 348000, г. Луганск,
пл. Героев Великой Отечественной Войны, 3а.

100

70590